

✓ К-14038

П305658

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 244

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

1983

1 р. 10 к.

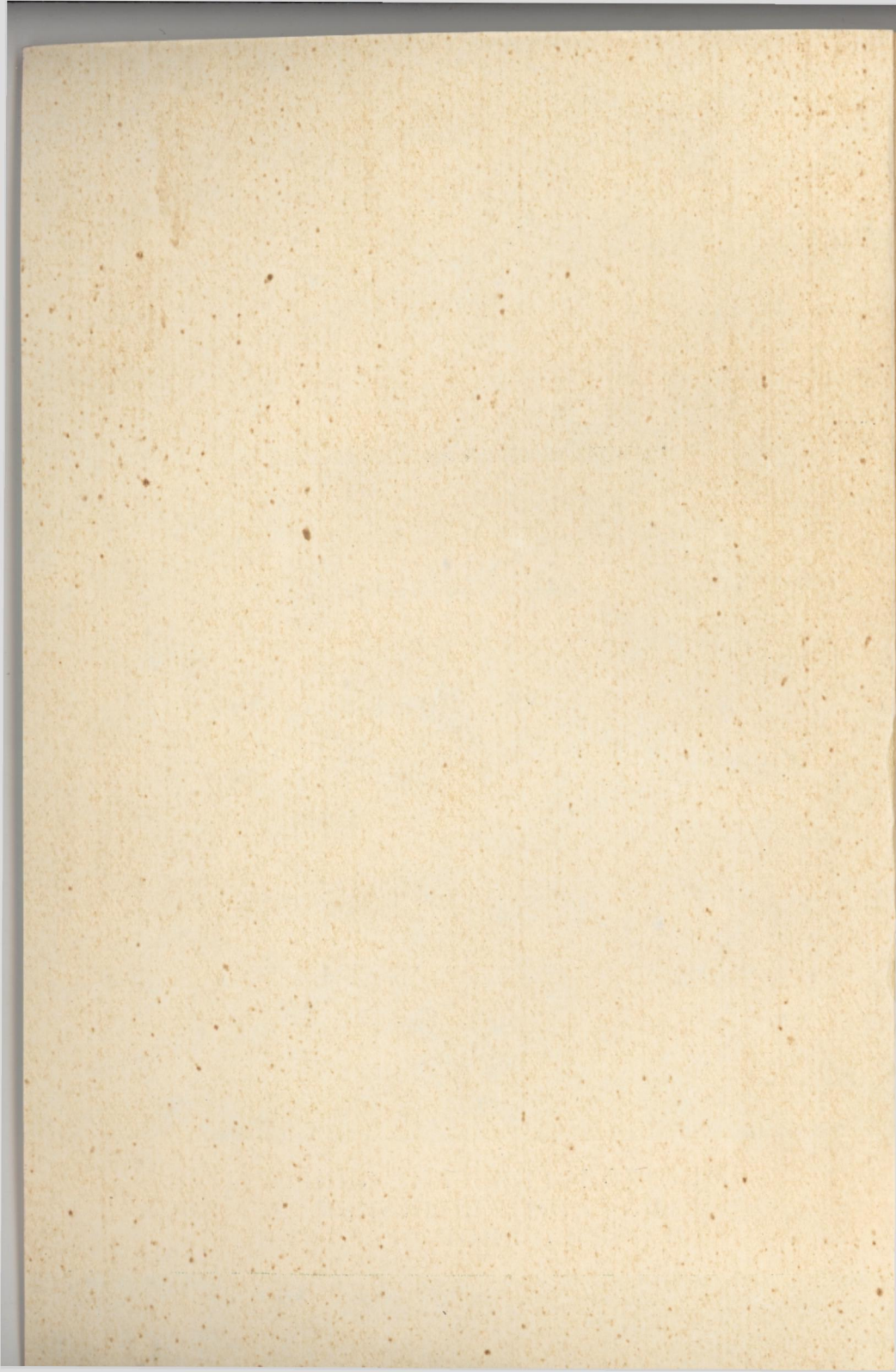
Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 244, 1—113.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00278659

5

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 244

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1983

В вестнике рассматриваются актуальные методологические вопросы исследования развитого социализма, социалистического образа жизни, политической культуры, формирования личности, развития научного познания, а также критики современной буржуазной философии.

Для научных работников, специалистов

Редакционная коллегия: А. Ф. Плахотный (отв. ред.), О. Г. Берзин, Ю. Ф. Бухалов, Л. Н. Дениско, Л. С. Дидорчук, А. А. Иванищенко, А. А. Мамалуй, В. П. Педан

Печатается по решению кафедры философии (протокол № 11 от 28 янв. 1982 г.)

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра философии, тел. 40-17-12

Редакция гуманитарной литературы

В 0302020000—076
М226(04) — 83

© Харьковский
государственный
университет, 1983

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

305658

П. И. БУСЕЛ

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДЕ

Формирование коммунистического отношения к труду, превращение последнего в потребность каждого советского человека — программная задача нашей партии и государства, которые «прилагали и прилагают много усилий, чтобы сделать труд человека не только более производительным, но и содержательным, интересным, творческим» [2, с. 57]. Необходимость решения такой задачи особенно очевидной становится в условиях развитого социализма, когда резко возрастает роль субъективного фактора в деле обеспечения дальнейшего прогрессивного развития общества. Данным обстоятельством определяется растущий интерес марксистской общественной науки к теоретическим аспектам проблем, связанных с превращением труда в первую жизненную потребность личности.

По этим вопросам написано немало интересных работ, «тем не менее жизнь, сама практика хозяйственного и культурного строительства побуждают вновь и вновь возвращаться к темам и проблемам, связанным со становлением коммунистического труда, которые уже обсуждались в литературе, но пока так и не нашли исчерпывающе точного решения» [4, с. 3].

Сущность потребности личности в труде, факторы, воздействующие на процесс ее формирования, — эти вопросы и являются, на наш взгляд, теми проблемами, которые нуждаются в дальнейшей разработке и уточнении.

Марксизм рассматривает труд как основу специфически человеческого способа жизнедеятельности, как атрибут человека, а тем самым — как главную его потребность, которая присуща людям на всех этапах человеческой истории. Вывод этот, на первый взгляд, приходит в несоответствие с тем фактом, что наша партия и марксистская общественная наука определяют формирование потребности личности в труде как одну из важнейших задач в период построения коммунизма.

Закономерен вопрос: почему марксисты считают формирование данной потребности задачей настоящего и будущего, если она (потребность) существовала во все времена?

В самой общей форме это несоответствие можно объяснить противоречием абстрактного и конкретного. Потребность в труде, выведенная из атрибутивного для человека характера его трудовой деятельности, — это абстракция такой же степени

общности, как и, например, категорий «общество», «общественное производство» и т. д. Что же касается потребности личности коммунистического общества в труде, то она, напротив, конкретна и сложна.

Абстрактное и конкретное — категории соотносительные: содержание одной выявляется через другую. Точно так же нельзя в полной мере выявить содержание категории «потребность личности коммунистического общества в труде» без учета того, что труд — атрибут человека как родового существа. Коммунисты не навязывают человеку чуждые его природе качества, а напротив, ставят своей задачей создание таких условий человеческого существования, при которых он максимально мог бы реализовать свои способности. Именно потому, что «...труд всегда, при всех общественных условиях был органической потребностью человека» [4, с. 4], можно говорить о возможности и необходимости превращения его в первую жизненную потребность личности коммунистического общества.

Наличие потребности в труде у людей в условиях различных общественно-экономических формаций отмечается многими исследователями. Так, И. И. Чангли пишет, что «потребность в труде как способе самореализации и утверждения себя, как во внутренне присущем человеку стимуле, активизирующем действие человеко-творческой функции труда, присуща людям во все исторические эпохи» [9, с. 76]. Более определенно и обстоятельно проводит эту же мысль Р. И. Косолапов [5, с. 276—280], а С. С. Батенин считает, что даже само начало человеческой истории обусловлено превращением труда в потребность человека. «Первой потребностью исторического акта, — пишет он, — следует признать потребность труда как социально значимой, социально-содержательной деятельности индивида. Труд не мог создать человека, пока сам не стал его внутренней потребностью... Немыслимо представить себе начало человеческой истории без превращения труда в потребность человека. Человек начал творить свою историю, побуждаемый потребностью труда» [3, с. 70].

Соглашаясь в принципе с этой мыслью, мы все же считаем необходимым внести некоторые уточнения. С. С. Батенин пишет: «Развитие коллективного труда как жизненной основы функционирования коллектива неизбежно должно было привести к тому, что в сознании формирующихся людей отражение биологически предметной потребности и отражение способа ее удовлетворения стали обособляться и последнее стало приобретать самостоятельную значимость. Формирующее человека влияние труда заключалось в том, что труд, первоначально стимулируемый необходимостью удовлетворения биологических потребностей, развиваясь и усложняясь, сам становится потребностью индивида. Сформировавшись как обособившаяся от биологической потребность труда стала ведущей побудительной силой производства

предметов, не предназначенных для непосредственного биологического потребления, стала важнейшим субъективным источником материального богатства» [Там же]. Мысль о том, что возникновение потребности в труде связано с обособлением биологически предметной потребности от способа ее удовлетворения, представляется нам бесспорной и методологически ценной. Наши возражения вызывает то обстоятельство, что данное обособление, а следовательно, и формирование потребности в труде, автор рассматривает лишь как процесс, происходящий в сознании первобытного человека. Нам представляется, что первобытное сознание не могло сыграть столь значительную роль в процессе превращения труда в потребность человека.

Для того чтобы человек осознал обособление биологической предметной потребности от способа ее удовлетворения, оно должно было произойти в действительности, ибо «сознание никогда не может быть чем-то иным, как осознанным бытием» [1, т. 3, с. 25]. Следовательно, это обособление нужно искать прежде всего не в субъективной (в сознании человека), а в объективной реальности.

Возникновение общественного производства — это и есть обособление биологической предметной потребности от способа создания предметов для ее удовлетворения. Биологическая потребность (как, впрочем, и непосредственный акт ее удовлетворения) является прямой противоположностью общественному производству. Потребность — индивидуалистична, эгоистична и, уже в силу одного этого обстоятельства, не могла непосредственно «задать» возникновение общественного производства, которое носит исключительно коллективный характер. Уяснение этой противоположности дает основание для того, чтобы рассматривать биологические потребности и общественное производство как обособленные друг от друга. Такое обособление (возникновение общественного производства) и означает превращение труда в потребность. Однако следует уточнить, что субъектом потребности был не отдельный человеческий индивид, а первобытная общность людей (род, племя).

Основой существования рода является коллективный труд его членов. В процессе своего развития труд скрепляет, приводит к некоему единству это вновь нарождающееся социальное образование, в котором слепая необходимость труда как бы формирует структуру своего собственного субъекта. Тем самым необходимость превращается в потребность последнего, ибо любая потребность есть не что иное, как необходимость, непосредственно обусловленная внутренней структурой определенного субъекта.

Хорошо известно, насколько прочно были связаны между собой члены одного племени в условиях первобытно-общинного строя. «Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе:

племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках», — писал Ф. Энгельс [1, т. 21, с. 99]. Такая тесная взаимосвязь между людьми в первобытном коллективе не является чем-то случайным. В условиях неразвитого труда, неразвитого отношения к нему со стороны отдельного человека такого рода сплоченность была необходимейшим условием для сохранения и развития человеческого способа жизнедеятельности. В непререкаемой власти племенных и родовых учреждений как раз и кроется «секрет» побудительных к труду сил, за счет которых реализовалась необходимость труда. Род, являясь по отношению к природе субъектом трудовой деятельности, в отношении отдельных сородичей выступал в качестве силы, которая своими традициями и обычаями, моральными нормами регламентировала и однозначно определяла всю их трудовую активность. Именно эта однозначность, т. е. отсутствие у индивида самостоятельного выбора, свидетельствует о том, что первобытное общество целиком определяло отношение первобытного человека к своему труду.

Таким образом, на ранних этапах человеческой истории реализация необходимости труда осуществлялась не столько за счет внутренних качеств формирующегося индивида, сколько за счет стихийно складывающихся особенностей организации общественной жизни.

Учитывая то, что интересы и потребности рода были также интересами и потребностями каждого члена этого коллектива, а выполнение трудовых обязанностей по отношению к коллективу было для каждого индивида неукоснительно соблюдаемой моральной нормой, можно, в известном и очень ограниченном смысле, говорить о присущей уже первобытному человеку потребности в труде. Присуща она ему в силу отсутствия дифференциаций личных и общественных потребностей и интересов, в силу неразрывности связей человека с первобытным родом — этим первым субъектом потребности в труде.

Уточнение того, что первым субъектом потребности в труде является не отдельный индивид, а определенная общность людей, имеет существенное значение. Общественная потребность труда первична по отношению к личной не только на заре становления человечества. Она определяет трудовую активность людей в условиях любой общественно-экономической формации. Другое дело, что в условиях существующей дифференциации интересов общества и личности общественно необходимый труд не всегда становится внутренней потребностью человека. Напротив, всем антагонистическим производственным отношениям сопутствует совершающееся в разных формах принуждение к труду, который оказывается для труженика не источником радости и наслаждения, а тяжким бременем. В этих условиях каждая

вещь, по словам Маркса, становится чревата своей противоположностью [1, т. 12, с. 4]. Возникновение лени как противоположности потребности личности в труде великолепно иллюстрирует эту Марксову мысль и может служить в качестве подтверждения (так сказать, от обратного) факта социальной обусловленности потребности личности в труде.

Предпосылки для гармонизации интересов личности и общества, а тем самым и возможность для превращения труда в потребность отдельного члена общества создает социалистическая революция. На этапе развитого социализма такое превращение становится не только возможным, но и общественно необходимым.

Социальная обусловленность потребности личности в труде — существеннейшее обстоятельство в понимании данного феномена, однако не все исследователи учитывают его в полной мере. В 70-е годы, правда, не встречается утверждений о физиологической природе потребности личности в труде, как это было в конце 50-х — начале 60-х годов [7, с. 7], но точка зрения, согласно которой данная потребность является в равной мере естественно-физиологическим и духовно-нравственным стремлением к деятельности, все еще имеет сторонников [8, с. 14]. Такой подход характерен, например, для А. Г. Ковалева. О потребности личности в труде он пишет следующее: «Ее корни находятся в психофизиологической потребности организма в деятельности, удовлетворение которой обеспечивает жизнь и развитие человека. Эта первоначальная потребность социализировалась и стала потребностью в труде...» [6, с. 40]. Трудно согласиться с тем, что удовлетворение потребности организма в деятельности обеспечивает жизнь и развитие человека. В лучшем случае, это удовлетворение может обеспечить жизнь биологического организма, но не человека. Исходным в понимании потребности личности в труде должны быть не психофизиология, а общественные отношения, в которые человек включен и под воздействием которых формировалась его психофизиология. Последняя действительно выступает в качестве носителя потребности личности в труде, но только в том случае, если она сформирована в определенных общественных условиях и под влиянием трудового образа жизни.

Таким образом, потребность личности в труде — это один из возможных типов отношения человека к своей деятельности. Имея в виду ее социальное содержание, можно сказать, что она является способом существования общественной необходимости труда во внутренней структуре личности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. Батенин С. С. Человек в его истории. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 295 с. 4. Значительная тема научных исследований. — Коммунист, 1978, № 12, с. 3—13. 5. Косолапов Р. И. Социализм /К вопросам теории. — М.: Мысль, 1979. — 598 с.

6. Основы психологии и педагогики в партийной работе. — М.: Мысль, 1978. — 223 с. 7. Подгайло А. С. К коммунистическому труду. — М.: Экономиздат, 1963. — 100 с. 8. Стогний И. П. Трудолюбие как нравственное качество личности. — К.: Наук. думка, 1970. — 104 с. 9. Чангли И. И. Труд. — М.: Наука, 1973. — 588 с.

Поступила в редколлегию 15.03.82.

Л. Ф. МИНИНА

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В понятийном аппарате исторического материализма особое место занимает категория «политическая культура». Потребности социальной практики развитого социализма обусловили повышенный интерес философов к анализу ее содержания. Появились отдельные статьи, брошюры, хотя пока еще нет ни одного монографического исследования. Анализ имеющихся публикаций свидетельствует о том, что политическая культура как философско-социологическая категория трактуется весьма и весьма разнообразно. Это, вероятно, объясняется тем, что она не имеет категориального статуса ни в одном справочном издании. Это понятие отсутствует не только в философском словаре и философской энциклопедии, но и в предметном указателе к полному собранию сочинений В. И. Ленина, хотя о политической культуре масс он говорил и писал достаточно много.

В. И. Ленин дал конкретно-исторический анализ категории «политическая культура». Ему принадлежит и введение в марксистско-ленинскую философию этого понятия. Прямая постановка данного вопроса содержится в речи В. И. Ленина на Всероссийском совещании политпросветов. Здесь впервые был введен в понятийный аппарат марксистской теории термин «политическая культура». «Цель политического образования, политической культуры воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков» [2, т. 41, с. 404]. В ряде работ, написанных после Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин неоднократно в том или ином плане касался данного вопроса [2, т. 44, с. 169; т. 41, с. 172; т. 42, с. 260].

Ленинские идеи о политической культуре нашли свое воплощение и дальнейшее творческое развитие в документах нашей партии. На актуальность анализа политической культуры было обращено внимание не только в партийно-государственных документах, вышедших между XXV и XXVI съездами КПСС, но и в материалах съездов.

При анализе содержания понятия «политическая культура» не следует упускать из вида принцип взаимосвязи ее с экономическими категориями, ибо в противном случае невозможно правильно раскрыть сущность политической культуры и ее функциональную роль в жизни общества. Марксизм, рассматривая общество как единый целостный функционирующий организм, не может рассматривать политическое сознание и политическое поведение изолированно от политических механизмов экономической жизни. На политический аспект экономических вопросов указывал Ю. В. Андропов в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» [5, с. 12].

Эта идея убедительно прозвучала на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, где Ю. В. Андропов сказал: «Всю нашу идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма» [4, с. 5]. Отсюда следует, что выполнению этой главной задачи должна быть подчинена политическая культура масс.

Анализ политической культуры как сложного явления связан с общим понятием культуры. Советскими учеными проводится большая работа по разработке философско-социологической теории культуры. Однако пока еще нет единого мнения по поводу определения понятия «культура». Несмотря на все различия в подходах к определению этого понятия, в отечественной литературе можно усмотреть нечто общее, что на данном этапе можно признать бесспорным — связь культуры с человеческой деятельностью — материальной и духовной. Одни исследователи рассматривают культуру как продукт деятельности, так называемое аксеологическое направление [16; 17]. Другие — как сам процесс человеческой деятельности, процесс реализации сущностных сил человека [8; 9]. Ряд авторов замыкают культуру только на творческой деятельности субъекта или понимают ее как совокупность методов, способов, средств, с помощью которых реализуется человеческая деятельность [7; 12]. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые определяют культуру «как процесс постоянного исторического развития человеческих сил и способностей, воплощающихся во всем многообразии и богатстве создаваемой людьми предметной действительности» [14; с. 19].

Общее понятие культуры позволяет перейти к анализу политической культуры. Обзор литературы показывает, что при рассмотрении понятия «политическая культура» философы дают различные его толкования. Довольно часто в философско-социологической литературе политическая культура вплетена в общее понятие культуры и рассматривается наряду с другими видами культуры: моральной, правовой, эстетической и т. д.

На наш взгляд, при определении политической культуры как философско-социологической категории следует исходить из указанных выше методологических принципов, недооценка которых приводит к односторонней трактовке понятия.

Имеющиеся определения можно классифицировать по структурному и функциональному принципам.

В рамках структурного подхода имеет место понимание политической культуры как уровня знаний различных слоев общества о власти и политике, который является источником их политической активности. Эту точку зрения разделяют И. И. Бражник, В. В. Руденко, которые определяют политическую культуру «как знание гражданами своих прав и свобод, путей и методов их осуществления, умение применять эти права и свободы в интересах строительства коммунизма, ясное понимание неразрывной связи прав и свобод с добросовестным выполнением гражданских обязанностей» [6, с. 59]. Такого же мнения придерживаются Г. Х. Шахназаров, Ф. М. Бурлацкий [18]. В данном случае, на наш взгляд, налицо одностороннее понимание политической культуры, сведение ее лишь к политическим знаниям. Но сами по себе знания не определяют автоматически политическую активность личности. Простое накопление знаний не равнозначно формированию мировоззрения. По нашему мнению, следует отличать знание как такое внешнее знание для личности, не ставшее ее убеждением, от знаний как способности к деятельности, внутреннее политическое знание, превращенное в политическое убеждение и порождающее имманентную политическую деятельность. Таким образом, отсюда следует вывод, что политическая культура не может быть ограничена только уровнем сознания, она является уровнем сознания и уровнем политической деятельности. Такой подход отражает одну из ведущих идей марксизма, идею соединения научного социалистического сознания с практическим опытом трудящихся.

В рамках структурного подхода ряд авторов рассматривают политическую культуру как определенный уровень политического поведения [5; 15]. Структурный подход к определению понятия «политическая культура» требует преодоления существующей неопределенности его значений, связанной зачастую с простым перечислением того, что в это явление входит, или выделением сфер общественной жизни, в которых оно проявляется.

Существует и так называемый функциональный подход, в рамках которого политическая культура рассматривается как метод, средство, инструмент реализации политики КПСС. Функциональный подход характерен, например, для Д. Д. Котикова, Л. А. Орнатского [11].

Некоторый интерес представляет определение Ю. Ожегова, который пытается раскрыть сущность политической культуры, исходя из коренного положения марксизма-ленинизма о не-

разрывной связи политики и культуры. Он дает следующее определение: «Политическая культура—это обобщенная характеристика человека, который сочетает глубокие знания марксистско-ленинской теории, политики партии с общей культурой, способность к политическому анализу и классовой оценке явлений общественной жизни с идейной убежденностью, осознание гражданских прав и обязанностей с активной и умелой общественно-политической деятельностью» [13, с. 74].

Взяв за основу общеметодологический подход, согласно которому культура рассматривается как средство реализации существенных сил человека, можно сделать вывод, что политическая культура, будучи частью общечеловеческой культуры, является особым способом формирования целостной личности. Такая функциональная нагрузка понятия «политическая культура» определяет и его содержание. Эта специфическая функция может быть объяснена особым местом политики, занимаемым в системе культуры, что обусловлено ведущей ролью политики как общественного явления. Политические цели социалистического государства определяют сущность экономических и социальных преобразований, происходящих в процессе строительства коммунизма.

Политическая культура характеризует особый вид деятельности людей — политическую преобразующую деятельность, объектом которой являются политические отношения, а субъектом — реальные действия класса, социальной группы, коллектива, личности.

Особенностью политической культуры социализма является ее диалектически противоречивое функционирование. С одной стороны, политическими идеями, знаниями, убеждениями она относится к духовной культуре. С другой стороны, политическая культура включает и культуру реальных действий классов, социальных групп, личностей. Эта практическая политическая активность выражается в разнообразнейших формах — от участия в общественной жизни коллектива до управления делами общества, в осуществлении политики КПСС и Советского государства, на что было обращено внимание на XXVI съезде КПСС: «Мы хотим, чтобы партийная политика сливалась с деятельностью масс, чтобы партийное просвещение учило людей, говоря словами В. И. Ленина, действовать так, как того действительно коммунизм требует» [3, с. 76—77].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1981.— 223 с. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.— М.: Политиздат, 1983.— 28 с. 5. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи.— М.: Политиздат, 1983, с. 231—249. 6. Акимов Л. И. Политическая культура: проблемы содержания информирования.— Коммунист Украины, 1981, № 2, с. 66—73. 7. Бражчик И. И., Руденко В. В. Формирование политической культуры граждан — важное средство преодоления религиозного экстремизма.— В кн.: Актуальные проблемы идеологической борьбы на сов-

ременном этапе. К., 1980, с. 52—60. 8. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры.— Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1979.— 262 с. 9. Ион Э. Проблемы культуры и культурная деятельность.— М.: Наука, 1979.— 137 с. 10. Каган М. С. Человеческая деятельность.— М.: Политиздат, 1974.— 328 с. 11. Коган Л. И., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры.— Свердловск, 1972.— 168 с. 12. Котикова Д. Д., Орнатская Л. А. В. И. Ленин о соотношении культуры и политики.— Вестн. Ленинград. ун-та, 1981, № 5, с. 36—44. 13. Макарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры.— Ереван, 1973.— 144 с. 14. Ожегов Ю. Политическая культура и молодежь.— В кн.: Искусство воспитания. М., 1981, с. 53—76. 15. Основы марксистско-ленинской теории культуры.— М., 1976.— 196 с. 16. Тихомиров Ю. Политическая культура в обществе зрелого социализма.— Полит. самообразование, 1978, № 7, с. 28—37. 17. Францев Г. Культура.— В кн.: Философская энциклопедия. М.: Сов. Россия, 1978, т. 3, с. 118. 18. Чесноков Д. И. Исторический материализм.— М.: Мысль, 1964.— 528 с. 19. Шахназаров Г. Х., Бурлацкий Ф. М. О развитии марксистско-ленинской политической науки. — Вopr. философии, 1980, № 12, с. 10—24.

Поступила в редколлегию 16.03.82.

Е. Б. МАЗАЕВА, канд. филос. наук,
Е. Н. МАНУИЛОВ

НРАВСТВЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

На этапе развитого социалистического общества повышаются требования к научному обоснованию процессов формирования нового человека. В материалах XXVI съезда КПСС обращено внимание на дальнейшее творческое развитие проблем коммунистического воспитания: формирование социально активной личности, совершенствование ее потребностей и интересов, раскрытие закономерностей нравственного поведения, организацию активной борьбы с антиподами коммунистической морали. «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь. Но важно вместе с тем,— отмечалось на XXVI съезде КПСС,— чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важнейших задач социальной политики» [2, с. 63].

Эта задача требует от философов, педагогов, этиков, психологов не только обеспечения развития марксистской теории потребностей, но и, что чрезвычайно важно, раскрытия механизма их формирования, определения роли и места в организации поведенческой и деятельной стороны личности. Решение этой проблемы зависит от общих усилий исследователей. В данной статье авторы обращаются лишь к одной стороне проблемы — вопросу о месте нравственных потребностей и интересов в системе факторов поведения личности, поскольку этот вопрос не решен в советской этической литературе.

На необходимость более глубокого и всестороннего исследования проблемы формирования потребностей личности было также обращено внимание обществоведов на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук [16].

Марксистская теория потребностей исходит из того, что потребности являются двигателем производства и человеческой деятельности [1, т. 12, с. 718; т. 3, с. 245]. Многообразие потребностей и интересов обусловлено многообразием видов деятельности людей, и поскольку имеет место нравственная деятельность и мораль как особый вид освоения действительности, постольку правомерно выделение нравственных потребностей и интересов.

Среди советских философов, этиков, психологов нет единого взгляда на сущность нравственных потребностей, механизм их реализации в системе «сознание—поведение» личности, их роль в стимуляции мотивов поведения и место в системе нравственных ценностей личности. Не выработано единого понятия «нравственные потребности». Используя различные термины «ценностная ориентация нравственного сознания» [14], «моральные требования» [5], советские этики, однако, не высказывают сомнения в существовании нравственных потребностей как форм, обусловленных социальной необходимостью. Одни рассматривают потребности и интересы как нечто объективное, независимое от сознания и воли людей [10; 11], другие существование потребностей и интересов необходимо связывают с волевыми устремлениями личности [9; 12], третьи считают, что потребности и интересы есть единство объективного и субъективного [4; 7].

Мы придерживаемся точки зрения авторов, которые рассматривают существо потребностей как диалектическое единство объективного и субъективного. На наш взгляд, ошибочно делить потребности на объективные и субъективные виды. «Объективное определяет содержание потребностей, но и субъективное— не пассивная сторона, при известных условиях она оказывается решающей для индивида, — справедливо замечает Л. И. Семёнова. — Особенности сочетания объективного и субъективного в потребности даже при общем сходстве потребностей всех людей делают их индивидуально-неповторимыми» [13, с. 5].

Общее определение категории «социальная потребность» не входит в нашу задачу. Однако в качестве рабочей гипотезы наиболее удачным нам представляется определение Г. Г. Дилигенского, «которое охватывает чрезвычайно широкий круг отношений между субъектом и объективным миром, обладающих свойством побуждать субъекта к деятельности, направленной на этот объективный мир или на самого себя» [6, с. 31].

Нравственные потребности человека возникли как отражение и специфическое преломление всей совокупности социальных отношений и моральных норм в индивидуальном сознании. Поэтому под нравственными потребностями мы понимаем обусловлен-

ное социально-экономической средой такое внутреннее стремление, желание к выработке общественно значимых норм поведения, которые обеспечивают особую форму отношений с другими людьми и направлены на благополучие окружающих. Это — внутреннее побудительное состояние к активной социальной деятельности на благо общества.

Нравственный интерес представляет собой устойчивое стремление личности к удовлетворению нравственной потребности. Следовательно, он порожден ею, но не сводится к ней. Мы придерживаемся точки зрения А. Д. Кикнадзе: «Потребность только тогда порождает интерес, когда ее удовлетворение встречает затруднение в силу каких-либо субъективных или объективных факторов. Беспрепятственно удовлетворяемая потребность не порождает интереса» [8, с. 60—61].

Нравственный интерес можно определить как осознанное, устойчивое стремление индивида, направленное на удовлетворение нравственной потребности, положительное сознательно эмоциональное отношение личности к окружающей действительности.

Нравственные потребности и интересы взаимопологают, взаимодополняют друг друга, являясь важным стимулом в выборе нравственной позиции личности. Они порождают адекватные им интересы, а последние при определенных условиях расширяют, обогащают содержание потребностей. В этой взаимосвязи и находит свое завершение начальный этап целенаправленной нравственной деятельности индивида.

Определяясь потребностями, интересы обладают относительной самостоятельностью по отношению к ним. В известных пределах личность может выходить за рамки сформированных потребностей. Случайный интерес может переходить в устойчивый, что является условием возникновения новых потребностей. Большинство авторов подчеркивает, что именно через нравственные интересы происходит обновление духовного облика человека, закрепляются наиболее перспективные моральные установки его поведения, определяется характер взаимоотношений личности с коллективом, направление ее социальной деятельности [15].

Вопрос о месте нравственных потребностей и интересов в системе факторов поведения привлекает внимание многих исследователей, но разработкой его занимались преимущественно психологи и педагоги. Среди них нет единого мнения о том, какова взаимосвязь потребностей и интересов с желаниями и целями, стремлениями и побуждениями личности. Одни по существу отождествляют потребности с целями поведения, другие считают нравственные потребности главным стимулом и отрицают роль иных факторов. И в том, и в другом случаях неправильно толкуется диалектика объективного и субъективного в регуляторах человеческого поведения. По-видимому, следует исходить

из того, что идейные побуждения становятся стимулами человеческого поведения тогда, когда выражают потребности, выступают как устойчивые интересы. Только тогда они могут стать целями, мотивами действий, превратиться в линию поведения. «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, — подчеркивал К. Маркс, — поскольку она является осуществлением его потребностей» [1, т. 1, с. 423].

Марксизм сумел объяснить идейные мотивы объективными потребностями. В этом суть и исходный пункт материалистического истолкования человеческой деятельности. Это позволяет утверждать, что для удовлетворения своих целей в сфере морали человек руководствуется нравственными потребностями. Любой мотив поведения человека предполагает в качестве своего глубинного основания определенную нравственную потребность, а другие факторы — нравственные интересы, стремления, желания, цели и т. п. играют производную роль.

Представляется справедливым подчеркивать особую системообразующую роль нравственных потребностей и интересов в механизме социального и морального поведения личности, потому что именно сформированные нравственные потребности и интересы ложатся в основу ценностных ориентаций, желаний, мотивов и целей личности при реализации нравственного поступка или осуществлении морального выбора.

Выдвижение нравственных потребностей и интересов на роль основного фактора морального поведения личности несколько не умаляет значения возникших на его основе других побудительных стимулов. «Потребность, — подчеркивает А. Д. Кикнадзе, — является внутренней, выражающей существо данного индивида, глубинной основой всех его мотивов поведения и поступков» [8, с. 75].

Человек, глубоко усвоивший моральные требования, выполняет их именно потому, что поведение в соответствии с ними стало для него убеждением, настоящей нравственной потребностью. Без этого невозможно надеяться на устойчивое нравственное поведение. Хотя не исключено, что в определенной ситуации человек может поступать и в соответствии с требованиями морали и вопреки им. Независимо от мотивации, в основе действий человека лежат какие-то потребности, однако нравственное действие может быть обусловлено только нравственными потребностями.

В развитии социалистического общества возникла необходимость усиления морального значения идейно-политической и трудовой ориентации личности. Это служит дополнительным стимулом к исследованию и формированию ее нравственных потребностей с тем, чтобы поставить барьеры «шкале ценностей», существенно отличающейся от принятой обществом. При этом нельзя рассчитывать на то, что девиантное (отклоняющееся) поведение можно изменить лишь идеологическими средствами.

«Причины гораздо сложнее, носят комплексный характер, в значительной степени обуславливаются еще не решенными проблемами самого развивающегося социалистического общества» [3, с. 356—357].

В советской этической литературе в последнее время наметилось решение вопроса о формировании нравственных потребностей. Они не возникают сами по себе и не являются врожденными, а закладываются в процессе жизни и деятельности человека, в связи с преимущественным воздействием социалистического образа жизни на личность, а также на основе целенаправленной воспитательной работы в семье, школе, молодежных организациях, трудовых коллективах.

Сложность и противоречивость нравственного развития личности во многом связана с тем фактом, что личные материальные интересы осознаются ею легче и быстрее, чем коллективные и общенародные, и нередко именно они определяют конкретные поступки. Не случайно на XXVI съезде КПСС было подчеркнуто, что удовлетворение личных материальных интересов в значительной мере определяет характер нравственного развития человека: «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии,— производство товаров для населения, развитие сферы услуг—это первейшее партийное дело» [2, с. 49].

Поэтому правомерно пристальное внимание к исследованию всей сложности структуры мотивизации индивида, а также необходимы усилия по выработке и закреплению положительных общественно-ориентированных мотиваций. Существенную роль при этом играет овладение марксистско-ленинской теорией, систематическое нравственное просвещение, многостороннее идейно-политическое воспитание трудящихся, особенно молодежи. Комплексный подход в воспитании современного человека предполагает не только научное обоснование нравственного идеала, но и закладку фундамента, на котором сформируются коммунистические нравственные потребности и интересы.

В свою очередь, правильное решение вопроса о месте и роли нравственных потребностей и интересов в системе факторов поведения личности позволяет не только усовершенствовать наши представления в области теории морали, но и способствовать выработке наиболее оптимальной системы коммунистического воспитания, существенно повысить эффективность идейно-воспитательной работы, обеспечить непосредственную связь социалистического образа жизни с практикой нравственного совершенствования личности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 3. Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. — М.: Наука, 1978. — 365 с. 4. Гапонов А. К. Потребность человека как одна из целей управления при социализме. — Науч. коммунизм, 1979, № 5, с. 29—38. 5. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 160 с. 6. Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вopr. философии, 1976, № 9, с. 30—43. 7. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы в социологической теории. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. — 74 с. 8. Кикнадзе А. Д. Потребность. Поведение. Воспитание. — М., 1968. — 148 с. 9. Лавриненко В. Н. Проблема осознания социальных интересов в работе В. И. Ленина. — В кн.: Некоторые актуальные проблемы марксистской социологии. Красноярск, 1975, с. 26—57. 10. Левин Б. М. Социально-экономические потребности. — М., 1974. — 207 с. 11. Мясичев В. Н. О потребностях как отношениях человека. — Уч. записки ЛГУ, 1959, № 265. Серия философских наук, вып. 16. — 119 с. 12. Рудик П. А. Психология. — М., 1964. — 462 с. 13. Семенова Л. И. Духовные потребности и их место в процессе становления личности коммунистического общества: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Волгоград, 1972. — 23 с. 14. Титаренко А. И. Структура нравственного сознания. — М.: Мысль, 1974. — 278 с. 15. Чинакова Л. И. Интересы, их место и роль в развитии общества. — Проблемы научного коммунизма и философии, 1968, вып. 1, с. 40—65; Морозов В. С. Интересы и поведение личности. — Вопросы социологии и общественной психологии, 1970, вып. 1, с. 105—120. 16. Правда, 1981, 15 окт.

Поступила в редколлегию 17.03.82.

А. М. РУСАНОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК СИСТЕМА

Одной из самых сложных проблем марксистско-ленинской философии, привлекающей к себе все возрастающее внимание советских ученых, является раскрытие понятия образа жизни. Количество работ, посвященных изучению социалистического образа жизни, достигло полутора тысяч и продолжает расти [1, с. 104]. На данном этапе исследования стало возможным перейти от накопления материала к его систематизации, к углубленной проработке отдельных структурных элементов образа жизни. Продуктивным в этой связи является применение системного подхода к анализу социалистического образа жизни.

Вне системного подхода к образу жизни невозможно выделить его структурные уровни и элементы, определить характер их взаимосвязи, иерархию подсистем и показателей. Системный подход позволяет углубить познание общественных процессов, перейти от рассмотрения образа жизни «вообще» к его поэлементному анализу, определить место того или иного компонента в целостной системе и характер его связи с целым. Нашу задачу мы видим в том, чтобы не сконструировать, а описать, смоделировать системные особенности социалистического образа жизни.

Огромную методологическую ценность имеет этот подход и при определении сущностных сторон образа жизни. Несомненное его преимущество заключается в том, что он «позволяет отыскать единое интегративное качество, ту самую основу, на которой строится здание системы, включающую в себя и преобразующую по собственным меркам множество объектов, процессов, явлений, на первый, внесистемный взгляд, плохо связанных или вообще не связанных друг с другом» [2, с. 12]. Системный подход позволяет более эффективно применить диалектику по отношению к такому сложному явлению, как образ жизни, выявить иерархию и соподчиненность его подсистем и образующих их элементов.

Необходимость системного подхода признается многими советскими учеными и имплицитно присутствует в тех работах, где не делается специального акцента на нем. Так, большинство исследователей определяет образ жизни как «совокупность», «систему», «сплав» форм жизнедеятельности в условиях определенной общественно-экономической формации, справедливо подчеркивая при этом, что, «поскольку речь идет об упорядоченной совокупности существенных черт, то в данном определении с равным правом можно говорить и об их системе» [3, с. 298]. Однако дело дальше этого, как правило, не идет, а все внимание сосредоточивается непосредственно на анализе жизнедеятельности и той роли, которую она играет в структуре образа жизни, что, на наш взгляд, сужает границы исследуемого явления.

Категория «жизнедеятельность» является ключевой в понимании образа жизни, однако довольно часто образ жизни и совокупность форм жизнедеятельности трактуются почти как синонимичные. В этом случае становится совершенно непонятным, чем отличаются сходные формы жизнедеятельности (скажем, трудовая) в антагонистическом и неантагонистическом обществе и игнорируется тот факт, что еще не все формы жизнедеятельности социалистического общества носят социалистический характер. В своем единстве различные формы жизнедеятельности образуют не образ жизни во всем его многообразии, а способ жизнедеятельности, который представляет собой определенную, упорядоченную совокупность основных видов и форм жизнедеятельности, их систему. Акцентирование же внимания на одних лишь формах жизнедеятельности значительно усложняет прояснение социальной сути образа жизни, необходимо требует обращения к системе общественных отношений.

Общественные отношения, как и труд, являются необходимым условием появления человека как разумного, мыслящего существа и становления человеческого образа жизни. Вне общественных отношений образ жизни не может быть понят и представляет собой «чистый образ жизни», «образ жизни сам по себе», «биологический образ жизни», т. е. фактически чистую абстракцию. Исследуя взаимосвязь общественных отношений

и форм жизнедеятельности, мы тем самым приближаемся к познанию сути образа жизни и его качественной специфики.

В советской литературе имеются две точки зрения по вопросу о влиянии общественных отношений на образ жизни. Так, А. П. Бутенко считает, что «условия жизни определяют образ жизни, но не входят в его структуру» [4, с. 58], а М. Н. Руткевич утверждает, что «образ жизни следует понимать как совокупность форм деятельности, взятых в неразрывном единстве с условиями этой деятельности» [5, с. 12]. Последний подход, на наш взгляд, является более аргументированным, поскольку снимает противопоставление личности и общества, показывает, что «условия бытия не только определяют, детерминируют жизнедеятельность людей, но и входят в нее в той мере, в какой они «ассимилированы» в их жизнедеятельности» [6, с. 13]. Уместным будет сразу же уточнить, что речь идет не о механическом включении всей системы общественных отношений в образ жизни, а только о той их части и в том их виде, в котором они осваиваются социальным субъектом в ходе его жизнедеятельности, входят в его внутренний мир, образуя наличную ситуацию бытия.

Включив в анализ форм жизнедеятельности все многообразие общественных отношений, упорядочив их взаимосвязь, марксизм показал, как из индивидуального рождается социальное и как социальное вплетается в, казалось бы, сугубо индивидуальные сферы жизнедеятельности личности. «Органическое единство личности и общественных отношений можно выразить в двух постулатах. Первый: общественные отношения входят во внутреннюю структуру личности, усваиваются ею и образуют социальную сущность. Второй: не только тело человека, но и сами общественные отношения являются субстанциональной основой личности, «местом» пребывания ее сущности и индивидуальных качеств» [6, с. 22]. Эта взаимосвязь общественных отношений и форм жизнедеятельности образует отдельную область в изучении образа жизни — способ жизни. Сам термин был впервые употреблен советскими учеными Е. И. Головахой и В. А. Тихонович, которые показали, что «ключевым и определяющим понятием в категории «образ жизни» является понятие способа жизни, т. е. способа (а также меры) включения индивида или социальной группы в систему общественных отношений, способа взаимодействия личности с социальной группой и обществом в целом. Именно способом взаимодействия с системой общественных отношений различается положение личности, скажем, в условиях социалистического и капиталистического строя» [7, с. 30]. Однако это понятие явилось у них скорее постановочным и, открывая большие возможности в исследовании образа жизни, требует дальнейшей разработки.

Способ жизни не может быть понят вне тех или иных форм жизнедеятельности людей, но он и не сводим к ним без остат-

ка. И в социалистическом, и в буржуазном обществе многие формы жизнедеятельности представляются аналогичными, а принципиальное различие в их содержании проявляется лишь при обращении к существующей системе общественных отношений. Отражая характер и степень включения индивида в систему общественных отношений, фиксируя те реляционные моменты, которые по-разному проявляются во всех формах жизнедеятельности, способ жизни дает полное представление о характере обобществления человечества применительно к данной общественно-экономической формации, об уровне развития социального в исследуемом образе жизни. Способ жизни активно влияет на процессы избирательного отношения к действительности, очерчивает сущностные социальные характеристики личности, коллектива, общества, является методологической основой для раскрытия сущности и содержания социалистического качества жизни. Только при таком подходе возможно качественное разграничение однотипных форм жизнедеятельности в социалистическом и буржуазном обществе.

Социализм впервые в истории человеческого общества создал объективные возможности для развития социальных начал в человеке, провозгласил его всестороннее развитие в качестве самоцели. Уничтожение буржуазного способа производства и ликвидация частнособственнических отношений коренным образом изменили характер взаимоотношений между людьми. Нормой нашей жизни стали высокая социальная активность, ответственность, коллективизм, интернационализм, оптимизм, гуманизм. Развивая и обогащая эти стороны способа жизни, мы тем самым способствуем и дальнейшему прогрессу социалистического качества жизни.

Закономерность здесь такова: чем развитее и прогрессивней социальные отношения, тем совершеннее способ жизни, чем развитее способ жизни, тем выше его качество, «чем выше «качество жизни, тем лучше, гуманнее данный общественный строй, тем в большей степени он удовлетворяет потребности человека» [8, с. 6]. Подлинно социальным качеством жизни обладает лишь одно общество — социалистическое и лишь в его рамках возможна сама постановка вопроса о позитивном содержании качества жизни. Применительно к буржуазному обществу его качество жизни может служить лишь показателем социальной деградации и упадка. Буржуазный способ жизни, в основе которого лежат вещные товарно-денежные отношения, является причиной таких социальных аномалий, как потребительство, индивидуализм, отчуждение, конформизм, социальная безответственность правящих классов, которые и составляют подлинное содержание буржуазного качества жизни.

Большую роль в раскрытии содержания качества жизни играют и такие характеристики материального производства, как качество жилья, пищи, одежды и т. д. Именно на этих мо-

ментах концентрируют свое внимание творцы буржуазной концепции «качества жизни». Однако замкнуться на этом — значит пойти на поводу у буржуазных идеологов, заинтересованных прежде всего в затушевывании качественных социальных различий между социалистическим и буржуазным образом жизни.

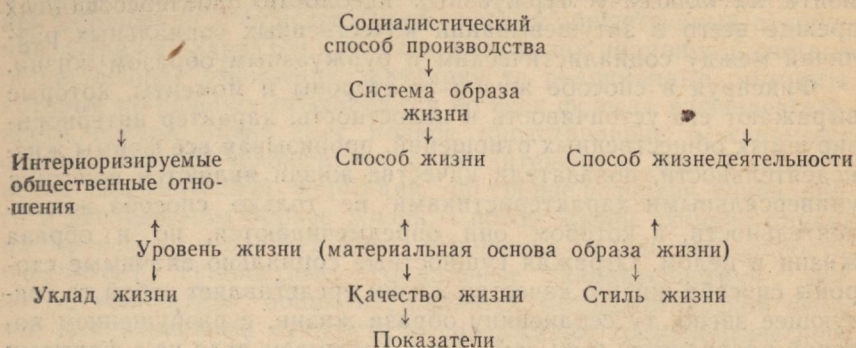
Фиксируя в способе жизни те стороны и моменты, которые выражают его устойчивость и целостность, характер интериорируемых общественных отношений, пронизывая все формы жизнедеятельности, показатели качества жизни являются поистине универсальными характеристиками не только способа жизнедеятельности, в котором они опредмечиваются, но и образа жизни в целом. Отражая сущностные социально значимые стороны способа жизни, качество жизни представляет собой то связующее звено, ту сердцевину образа жизни, с разрушением которой распадается и он сам. Здесь мы имеем дело не с формами жизнедеятельности, взятыми сами по себе, а с сущностными социальными отношениями, материализованными в мыслях, действиях и поступках людей. При этом они рассматриваются не как безличные, а как преломленные в сознании и объективированные в деятельности индивида, опосредующие его отношение к условиям своего бытия. В этой связи качество жизни может рассматриваться как подсистема образа жизни, которая дает представление об отношении социального субъекта к условиям своего бытия, к существующей системе общественных отношений и к самому себе.

Проблема не только того, «на что жить», но и «как жить» приобретает все большую актуальность в связи с построением развитого социализма в нашей стране и в дальнейшем будет иметь тенденцию ко все большей актуализации по мере роста материального благосостояния советских людей. Качество жизни несет в себе также информацию о «должном» и «желательном» и не ограничивается беспристрастной констатацией фактов. Планомерное развитие качества жизни и его показателей является необходимым условием развития всей системы социалистического образа жизни.

Другая не менее сложная и малоизученная проблема — это подсистема «стиль жизни». Предметом ее изучения является способ жизнедеятельности, т. е. совокупность основных видов и форм жизнедеятельности, реализуемых в каждодневном поведении человека. Подсистема «стиль жизни» акцентирует внимание на изучении социально-психологических сторон человеческой жизнедеятельности, образа мышления личности, ее мотивации.

В качестве еще одной подсистемы образа жизни можно выделить такое явление, как «уклад жизни», предметной областью изучения которого являются устоявшиеся общественные отношения, реализующиеся в поведении людей. Материальной основой всех этих подсистем является «уровень жизни», который по-раз-

ному реализуется в них. Графически систему социалистического образа жизни можно представить следующим образом:

Получить целостное представление о социалистическом образе жизни можно только рассматривая его как систему. Отражаясь в сознании субъекта и опредмечиваясь в его деятельности, эта система выступает как диалектическое единство качества жизни, стиля жизни и уклада жизни, дающая представление о всех основных сторонах жизни человеческого общества. Применение системного подхода к анализу социалистического образа жизни позволит продолжить дальнейшую дифференциацию и интеграцию наших знаний об образе жизни, внести новые моменты в познание этого сложного явления.

Список литературы: 1. *Проблемы социалистического образа жизни в условиях развитого социализма.* — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 123 с. 2. *Афанасьев В. Г. Системность и общество.* — М.: Политиздат, 1980. — 368 с. 3. *Руткевич М. Н. Диалектика и социология.* — М.: Мысль, 1980. — 356 с. 4. *Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы, суждения.* — М.: Наука, 1978. — 364 с. 5. *Социалистический образ жизни.* — М.: Политиздат, 1980. — 319 с. 6. *Мокроносов Г. В., Москаленко А. Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности.* — Новосибирск: Наука, 1981. — 295 с. 7. *Образ жизни/Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования.* — К.: Наук. думка, 1980. — 298 с. 9. *Социальная структура советского общества и социалистический образ жизни/Материалы к IX ВСК.* — М., АН СССР, 1978, ч. II. — 213 с.

Поступила в редколлегию 15.12.81.

Т. А. КОЗУБ

СТАНОВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ МАРКСОВОЙ КАТЕГОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Категория общественного производства — одна из центральных в историческом материализме. В ней материальное и ду-

ховное представлены в неразрывном диалектическом единстве как стороны единого исторического процесса развития человека.

Производство, по Марксу, — необходимое условие возникновения и развития человека. Труд составляет основу исторического процесса, является необходимым, независимым от всяких общественных форм условием существования людей [1, т. 23, с. 51]. К. Маркс подчеркивал: «...*Вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [1, т. 42, с. 126]. Но, поскольку индивиды не могут производить средства к жизни, не соединяясь известным образом друг с другом, человеческий индивид с момента своего «выделения» существует как родовой, и его связь с другими индивидами и с социальным целым определена как родовая. Производство есть деятельная родовая жизнь человека [1, т. 42, с. 222], вид его жизнедеятельности, его образ жизни [1, т. 3, с. 19]. Результатом процесса производства, в конечном счете, всегда выступает человек, но человек в его родовом бытии, человек в его общественных связях [1, т. 46, ч. 2, с. 222].

Процесс производства осуществляется в форме обмена деятельностью. Это единство содержания и формы выражено у Маркса следующим образом: «*Обмен* — как человеческой деятельностью внутри производства, так и *человеческими продуктами* — равнозначен *родовой деятельности...*» [1, т. 42, с. 23]. Действительным бытием человеческой деятельности, подчеркивает Маркс, является общественная деятельность. «Так как *человеческая* сущность является *истинной общественной связью* людей, — замечает он далее, — то люди в процессе деятельного осуществления своей *сущности творят*, производят *человеческую общественную связь*, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью ... его собственным богатством» [1, т. 42, с. 23].

Обмен деятельностью как «опосредствующее движение человека» [Там же, с. 19] в рамках исторически определенной системы общественного производства представляет собой социальную форму движения материи, живую, развивающуюся субстанцию которой составляет человеческий труд. Это социальное движение есть материальное выражение единства человека и общества. Степень этого единства, а следовательно, и его характер различны на разных ступенях исторического развития человека и общества. Диалектика этой связи есть диалектика деятельного осуществления человеком своей «предметной сущности». Развитие ее идет по пути исторического прогресса. В начале пути эта связь представлена единством человека с родом, когда он полностью зависит от последнего. Дальнейшее развитие ведет к полному разрыву, противопоставлению этой связи человеку в качестве чуждой, господствующей над ним силы и, наконец,

к единству, основанному на подчинении человеком его общественных связей в качестве собственных.

Противопоставление общественной связи человека в качестве чуждой, господствующей над ним силы означает, что человеческие индивиды в докоммунистических формациях не достигли подлинно коллективных форм организации своей жизнедеятельности. Перед нами лишь становящаяся человеческая сущность и находящийся в процессе своего становления человек. Эти реально существующие формы представляют всего лишь исторически закономерные этапы развития коллективной общественной связи, этапы исторического становления человеческой сущности. История развития этих форм, согласно Марксу, «не есть еще *действительная* история человека как уже предположенного субъекта, а есть только *акт порождения, история возникновения* человека» [1, т. 42, с. 155]. В этих исторических формах человек развивается как случайный, а не как целостный индивид, что означает подчинение его индивидуальной деятельности существующим общественным формам разделения труда и его собственных связей в процессе деятельности — общим классовым отношениям. «Различие между индивидом как личностью и случайным индивидом не просто логическое различие, а исторический факт», — подчеркивали Маркс и Энгельс [1, т. 3, с. 71]. Человек как Род, как Человечество начинает существовать только на той ступени исторического развития, когда «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые» [1, т. 3, с. 68—69]. Именно здесь кончается тот этап, который Маркс и Энгельс называли *предысторией* человечества, и начинается его подлинная история, т. е. история Человека как Рода. С этого момента связь индивидов становится их собственной связью, их деятельной общественной связью.

Труд как живая, творческая, предметно-деятельная сущность человека осуществляет себя в своей родовой форме — в производстве. Производство, таким образом, есть его собственное субъективное существование. Но производство в то же время есть и осуществление человека, его существование как субъекта. «Субъект есть существование субъективности» [1, т. 1, с. 244], — пишет К. Маркс. Критикуя Гегеля за то, что тот превращает предикат, субъективность в объект, в нечто самостоятельное, отрывает его от субъекта, Маркс замечает далее, что «следует исходить именно из действительного субъекта и делать предметом своего рассмотрения его объективирование» [Там же]. Именно из этого принципа и исходит Маркс, предлагая рассматривать промышленность как «великую мастерскую, в которой человек впервые присваивает самому себе свои собственные

силы и силы природы, опредмечивает себя, создает себе условия для человеческой жизни» [1, т. 42, с. 245]. История промышленности, производства у Маркса — это история человека, история развития его деятельной сущности. В производстве «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [1, т. 42, с. 94]. Предмет, произведенный человеком, есть осуществленный человек. Человеческая деятельность, эта «чувственная вспышка... сущностной деятельности» [Там же, с. 125] угасает в предмете. Человек произвел предмет, произвел свое «тело», произвел самого себя. Производство, таким образом, есть «через-себя-бытие» человека, его единство с самим собой как единство труда живого и труда овеществленного. Это единство есть единство сущности и существования.

Опредмечивая свою сущность, человек производит не просто предмет, а предмет, способный удовлетворить человеческую потребность. Это свойство предмета удовлетворять человеческую потребность вообще обнаруживается только в отношении к нему другого человека. Только в своем родовом бытии человек утверждает, доказывает истинность своей сущности. Вне общественной связи это свойство предмета находится в состоянии покоя, в форме бытия. «Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан, — пишет К. Маркс. — То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности..., теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства..., в форме бытия» [1, т. 23, с. 192]. Поскольку человек обнаруживает свою человеческую сущность только в отношениях с другими людьми, поскольку свойство человеческой сущности удовлетворять человеческую потребность проявляется только в условиях общественной связи людей, того человеческого общественного акта, «в результате которого продукты человека взаимно восполняют друг друга» [1, т. 42, с. 18], то эта связь является необходимым условием осуществления человеком своей человеческой сущности, способом ее существования, способом ее действительного бытия. Общество, согласно Марксу, является той родовой формой, в которой «действительное лицо претворяет в реальность свое действительное содержание, объективирует себя, отказавшись от абстракции «лица...»» [1, т. 1, с. 249]. В полемике с Гегелем Маркс замечает: «Само собой разумеется, что так как личность и субъективность являются только предикатами лица и субъекта, то они существуют только как лицо и субъект, а лицо есть нечто *единичное*. Но Гегель должен был бы добавить, что *единичное* является истиной непременно только как *многие единицы*. Предикат, сущность, никогда не исчерпывает сфер своего существования *одной единицей*, а исчерпывает их *многими единицами*» [Там же, с. 248]. Эта же мысль в несколько другой форме выражена у Маркса в под-

строчном примечании «Экономическо-философских рукописей 1844 года»: «...Человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*» [1, т. 42, с. 120]. Действительно, определения человеческой сущности, человеческой действительности в своем индивидуальном, единичном бытии столь же многообразны, сколь многообразна деятельность человека и предметный мир ее бытия. Действительным единством этого многообразия выступает общественная связь людей. В. И. Ленин отмечает, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему» [2, т. 29, с. 318]. Таким образом, сущность человека оказывается действительной как общественная связь людей. Многообразие человеческой деятельности и предметного мира ее бытия оказывается многообразием отношений, их совокупностью, их единством. А это, в свою очередь, означает, что определение человека как личности заключается не в качественном своеобразии его деятельности и не в ее количественном многообразии (это относится к определению индивидуальности человека и в этом смысле очень удачным представляется употребляемое Марксом понятие «лицо»), а в родовой форме его бытия — в форме общественной связи. «*Личность без лица есть, конечно, абстракция, — замечает Маркс, — но лицо есть действительная идея личности только в своем родовом бытии, в качестве лиц*» [1, т. 1, с. 249].

Если в обмене предметами человеческого труда человек сам выступает посредником для другого человека, если в этой опосредствующей деятельности он выступает как субъект, носитель связи, то он есть личность. Если же посредником выступает не человек, а некая вещь, то и обладателем личностных свойств оказывается эта вещь, а не человек. Человек же обладает своей личностью как некоей вещью, и в этом смысле он есть функция этой вещи. Маркс пишет в связи с этим: «...Капиталист есть лишь персонифицированный капитал и функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала...» [1, т. 25, ч. 2, с. 385].

В условиях, когда производство носит непосредственно общественный характер, человек, опредмечивая свою человеческую сущность, удовлетворяя своим трудом человеческую потребность, утверждает себя двояко: в своем собственном бытии и в бытии другого человека, сам выступает посредником между собой и родом и между родом и другим человеком. В этих условиях труд, по словам Маркса, может проявиться в предмете только как то, что он собой представляет и не может проявиться как то, чего он по своей сущности не представляет [1, т. 42, с. 36—37]. Иными словами, при этих условиях труд как самостоятельность человека проявится в своей непосредственно общественной форме как отношение людей, а не соотнесение вещей, как бытие

человека для человека и во имя Человека. На этой стадии развития человеческой сущности достигается единство человека и общества, тождество сущности и существования.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.

Поступила в редколлегию 11.12.81.

О. В. ФРОЛОВА

О КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА»

Формирование нового человека является программной задачей, конкретные пути решения которой находят свое отражение в материалах съездов КПСС и партийных документах. «Советский человек — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью создателя нового мира, — отмечается в материалах XXVI съезда КПСС. — Это не значит, конечно, что мы уже решили все вопросы, связанные с **формированием нового человека**. Задач здесь стоит перед нами немало» [3, с. 63]. В связи с этим важнейшим делом нашего обществоведения является глубокая разработка научных основ формирования нового человека [4, с. 8].

Проблема человека служит предметом исследования различных наук. Именно поэтому особую актуальность приобретает дальнейшая разработка такого интегрального понятия, которое бы концентрированно выражало специфику диалектико-материалистического понимания человека и в силу этого обеспечивало бы (в методологическом отношении) целостность взгляда на человека в конкретных науках. Существенному приближению к поставленной цели может служить исследование понятия «производство человека». Хотя оно относится к классическим понятиям марксизма, однако в литературе до сих пор нет прямой постановки вопроса о его мировоззренческом статусе.

Наиболее часто к понятию «производство человека» обращаются в связи с рассмотрением положения Ф. Энгельса, содержащегося в Предисловии к первому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», согласно которому производство и воспроизводство непосредственной жизни бывает двоякого рода: с одной стороны — производство средств к жизни, с другой — производство человека [1, т. 21, с. 25—26]. Данное положение извращенно толковали буржуазные теоретики и ревизионисты как на Западе (П. Вейзенгрюн, В. Копперс, В. Шмидт), так и в России (Н. К. Михайловский,

Н. И. Кареев). Они усмотрели в нем отход Ф. Энгельса от материалистического понимания истории, обвинив его в том, что он якобы допустил ошибку, поставив рядом неоднозначные факторы. Термин «производство человека» показался им просто «забавным», а его употребление Ф. Энгельсом было воспринято как попытка «ухватиться» хотя бы за словесную связь «с основной формулой экономического материализма» [5, с. 99].

В. И. Ленин, отстаивая приведенное положение Ф. Энгельса, показал всю несостоятельность обвинений, выдвинутых в его адрес [2, т. 1, с. 146—154]. Он писал: «Но где читали Вы у Маркса и Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мирозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми...» [2, т. 1, с. 149]. Общественные отношения по деторождению, несомненно, принадлежат к материальным общественным отношениям. Положив их в основу развития надстроечно-идеологических отношений, Ф. Энгельс не совершает ни малейшего отступления от материалистического понимания истории. Обвинять его в ошибочности взглядов могут только те, которые сами совершают ошибку, смешивая исторический материализм с экономическим.

Исследуемый вопрос освещен и Г. В. Плехановым [13, с. 618—619]. Однако, на наш взгляд, Г. В. Плеханов отождествляет производство человека с семейными отношениями, а в связи с тем, что последние играли ведущую роль лишь на раннем этапе развития общества, он ограничивает положение Ф. Энгельса этим периодом.

Таким образом, в процессе реабилитации приведенного положения Ф. Энгельса наметились два подхода. Ленинский подход (по сравнению с плехановским) обладает большей степенью общности. Он дает возможность вести исследования применительно ко всей истории общественного развития. Несмотря на то что В. И. Ленин и Г. В. Плеханов разоблачили бесплодные потуги тех, кто пытался уличить Ф. Энгельса в неточности и даже ошибочности его взглядов на развитие общества, рецидивы подобных заявлений имели место и в литературе конца 40-х — начала 50-х годов XX в. Однако неадекватным толкованиям этого положения был дан решительный отпор. Наметилось два основных подхода к определению понятия «производство человека». С позиций первого «производство человека» понимается как продолжение рода, деторождение [6; 8; 10], с позиций второго «производство человека» — есть производство личных факторов процесса труда [5; 7; 11; 12; 14; 15].

Усмотрев в приведенном положении Ф. Энгельса лишь «роль отношений родства в развитии общества» [6, с. 75], сторонники первого подхода ограничивают его толкование рамками перво-

бытного общества. С особой последовательностью эта мысль прослеживается у С. Э. Крапивенского, который отмечает, что в начальный период прогресс общества идет за счет развития семьи, а развитие семейных отношений на первых порах совершается исключительно под воздействием биологических закономерностей. Постепенно «основной закон биологической формы движения материи, единый закон жизни видов» сменяется «основным социологическим законом» [10, с. 104—111]. Изложенные идеи являются дальнейшей разработкой подхода, намеченного Г. В. Плехановым. И хотя авторы не обращаются к специальному рассмотрению «производства человека», легко заметить, что при таком подходе оно, как и у Г. В. Плеханова, оказывается сведенным к отношениям по продолжению рода. Это обедняет само понятие «производство человека». Несомненно, что производство жизни «посредством рождения» является необходимым, но не достаточным моментом «производства человека». Понятие «производство человека» употребляется не в метафорическом, а в прямом смысле, ибо даже тогда, когда производство человека рассматривается как процесс продолжения рода, нельзя упускать из виду его социальную обусловленность. Если стать на позицию авторов, разделяющих исследуемую точку зрения, то надо согласиться с тем, что целью производства человека является деторождение. Но, исходя из социальной обусловленности процесса производства, этот вывод является мало приемлемым, а главное, он ни в коей мере не объясняет связи, существующей между производством средств к жизни и производством человека, подчеркнутой Ф. Энгельсом. Эта связь становится понятной, если подойти к рассмотрению деторождения как условия производства личных факторов процесса труда. В этом случае рождение нового индивида не завершает процесс «производства человека», а только начинает его.

Авторы, разделяющие подход, при котором производство человека трактуется как производство личных факторов процесса труда, основное внимание сосредоточивают на взаимодействии производства человека с производством средств к жизни. Как же, по их мнению, осуществляется это взаимодействие? Человек является главной производительной силой общества. Но для функционирования в этом качестве недостаточно одного факта его появления на свет. Его «целостные действия ...должны соответствовать специфике наличных средств производства» [12, с. 209]. Как этого можно достигнуть? Большинство исследователей считают, что посредством передачи и восприятия опыта. Так, А. Л. Попова, рассматривая производство человека, видит его содержание в объективном процессе передачи опыта вместе с естественными процессами воспроизводства населения и хозяйственно-бытовой деятельностью [14, с. 6]. У В. Г. Панова «сущность производства самого человека, продолжение его рода включает в себя передачу и накопление из поколения

в поколение опыта, приобретаемого в процессе познания и использования объективных законов как природы, так и взаимоотношений людей» [11, с. 56]. Ю. К. Плетников подчеркивает: «Без передачи опыта подрастающим поколениям, обучения (воспитания) индивидов невозможно материальное и духовное производство, а следовательно, и поддержание организованного состояния общественной жизни вообще» [12, с. 211—212]. Е. Т. Бородин акцентирует внимание на том, что «накопление и передача опыта поколений должны пониматься не в виде процесса овладения, присвоения или усвоения чего-либо, что создано другими..., а как специфический процесс производства человеческих сил» [7, с. 45].

Итак, овладение опытом является необходимым моментом производства человека. Но где и как осуществляется этот процесс? Одни авторы в процессе передачи опыта подчеркивают роль семьи (А. Л. Попова), другие — роль трудовой деятельности (В. Г. Панов, Е. Т. Бородин). Семья, несомненно, играет важную роль в производстве человека, именно здесь производится новая жизнь, начинается социализация индивидов. Овладение опытом осуществляется в процессе практической деятельности. На основе этой деятельности развивается сознание индивидов. Однако неверно было бы утверждать, что производство человека начинается и заканчивается в семье. При таком подходе производство человека и производство средств к жизни с неизбежностью рассматривались бы как два обособленно функционирующих производства, а существующая между ними связь выражалась бы только в обмене продуктами. На самом деле производство человека продолжается и тогда, когда он включается в процесс производства материальных благ. Более того, «складывающиеся в ходе этого производства материальные общественные отношения в конечном счете определяют характер производства самого человека и обуславливают существование различных типов воспроизводства человеческих сил в различных формациях» [7, с. 49].

Работы, в которых авторы обращаются к указанной проблеме, в основном посвящены изучению производства и воспроизводства непосредственной жизни, а производство человека рассматривается в рамках этого производства. Безусловно, процесс производства материальных благ есть одновременно и процесс производства человека. Но можно ли при этом ограничиться лишь рассмотрением производства и воспроизводства непосредственной жизни? Когда К. Маркс говорит о том, что сущность человека в своей действительности есть «совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3], он не просто констатирует тот факт, что человек живет в обществе, подчиняется его законам, вступает в отношения с другими людьми, но имеет в виду и более важный момент — человек является продуктом общества. Общественные отношения складываются

в общественном производстве, которое наряду с производством материальных благ как первичным и определяющим включает в себя и духовное производство. Производство человека осуществляется и в процессе духовного производства.

Человек способен овладеть опытом предшествующих поколений, включиться в процесс производства материальных благ, в конце концов творит себя именно потому, что он Homo sapiens — Человек разумный. Сознание человека не является чем-то данным ему изначально, оно формируется в процессе коллективной деятельности индивидов. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству...» [1, т. 3, с. 24]. Эта неразрывная связь, взаимообусловленность материального и духовного производств находит свое выражение в производстве человека. Таким образом, производство человека наиболее полно раскрывается именно в процессе общественного производства. Мы придерживаемся мнения, что «производство потому прежде всего и называется общественным, что его конечным результатом всегда является общество, или, что то же самое, производство человека как общественного, культурно-исторического существа» [9, с. 79—80].

В зависимости от исторического этапа развития общественного производства изменялось и производство человека. Нерасчлененность общественного производства в первобытном обществе обуславливает существование человека, выражаясь словами К. Маркса, как «еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми» [1, т. 23, с. 89]. С развитием производства материальных благ и возникновением частной собственности влияние родственных связей ослабевает, общественно-экономические отношения подчиняют себе все остальные. Человек, освобождаясь от одной зависимости (природной), попадает в другую зависимость (социальную), достигающую апогея в капиталистическом обществе. «Они (индивиды. — О. Ф.) производят в обществе и для общества, — пишет К. Маркс, — как общественные [gesellschaftliche] существа, но вместе с тем это выступает как всего лишь средство опредметить их индивидуальность... Они, с одной стороны, не подчинены какой-либо первобытной общине [Gemeinwesen], а с другой стороны, не являются сознательно общественными [gemeinschaftliche] существами, подчиняющими себе общественную связь [Gemeinwesen]» [1, т. 46, ч. 2, с. 449].

Только с уничтожением частной собственности производство приобретает подлинно общественный характер, только в этом случае труд человека, став не средством к жизни, а внутрен-

ней необходимой потребностью, совпадает с развитием человека как общественного существа, является «свободным проявлением жизни и поэтому наслаждением жизнью» [1, т. 42, с. 37].

Нам представляется, что подходы, существующие в настоящее время в литературе к определению понятия «производство человека», не противоречат, а дополняют друг друга, оттеняя специфику производства человека в зависимости от исторического этапа развития общественного производства.

В ранний период становления человеческого общества на переднем плане находятся отношения кровного родства, а производственные отношения получают свое выражение в семейных отношениях, поэтому производство человека в этих исторических рамках тяготеет к совпадению с продолжением рода. В дальнейшем в связи с расчленением общественного производства человек попадает в зависимость от результатов своей собственной деятельности, производство вещей подчиняет себе производство людей. С наибольшей обнаженностью это положение проявляется в капиталистическом обществе, при этом производство не является непосредственно общественным. Как указывает К. Маркс, в этом случае «я производил для себя, а не для тебя, точно так же и ты производил для себя, а не для меня. Результат моего производства сам по себе точно так же не имеет непосредственного отношения к тебе, как результат твоего производства не имеет непосредственного отношения ко мне. Иными словами, наше производство не есть производство человека для человека как человека, то есть не есть общественное производство» [1, т. 42, с. 32—33]. Здесь жизнь человека оказывается полностью подчиненной процессу производства материальных благ. Этот момент прослеживается у авторов, понимающих производство человека как производство личных факторов процесса труда. И только в коммунистическом обществе, когда производство выступает в своем подлинно общественном облике, «развитие способностей рода *«человек»* совпадает с «развитием каждого отдельного индивида» [1, т. 26, ч. 2, с. 123].

Синтез существующих подходов к понятию «производство человека» возможен благодаря определению их единого основания. В контексте исторического развития общественного производства обнаруживается односторонность тех подходов к производству человека, которые ограничивают его сущность какими-то определенными этапами развития общественного производства либо одной из его сторон. Обусловлено это, как нам кажется, тем, что работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос производства человека, посвящены в основном изучению производства и воспроизводства непосредственной жизни. Мы же считаем, что производство человека, включающее в себя как производство жизни посредством рождения, так

и производство человеческой сущности, необходимо исследовать в непосредственной связи с общественным производством, учитывая конкретно-исторические условия развития последнего.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 4. Сулов М. А. Высокое признание и ответственность. — Коммунист, 1981, № 16, с. 4—11. 5. Бачешкина Т. И. Поставка вопроса о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни. — В кн.: Философские исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975, вып. 1, с. 98—104. 6. Борисковский П. И. В. И. Ленин и проблемы закономерностей развития первобытного общества. — Вестн. ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2, № 8. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960, с. 75—77. 7. Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества. — Филос. науки, 1976, № 2, с. 43—50. 8. Власов К. И. О значении родовых отношений в первобытном обществе. — Вопр. философии, 1962, № 11, с. 139—140. 9. Духовное производство. — М.: Наука, 1981. — 352 с. 10. Крапивенский С. З. По поводу так называемой ошибки Энгельса. — Филос. науки, 1963, № 2, с. 104—111. 11. Панов В. Г. Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества. — Филос. науки, 1963, № 3, с. 50—57. 12. Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — 248 с. 13. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — В кн.: Избр. филос. произв. М.: Госполитиздат, 1956, 1, с. 507—730. 14. Попова А. Л. О роли производства и воспроизводства непосредственной жизни в развитии общества. — В кн.: Вопр. философии и психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, вып. 1, с. 3—14. 15. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. — Новосибирск: Наука/Сиб. отд-ние, 1981. — 304 с.

Поступила в редколлегию 21.12.81.

В. К. ТРОФИМЮК

О ДИАЛЕКТИКО-ЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ МАРКСОВОЙ КАТЕГОРИИ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА

Особый интерес советских исследователей вызывает понятие всеобщего труда в его марксистском понимании. Однако в трактовке содержания этого понятия наблюдается различное толкование. Так, Б. И. Шенкман сводит его только к самостоятельности в сфере духовного производства (в науке, искусстве), свободной от внешней общественной принудительной необходимости [11, с. 113—123]. Всеобщий труд чаще рассматривается в форме научного труда, что становится поводом для их отождествления. Именно так трактуют всеобщий труд А. Н. Кочергин и Е. В. Семенов: «Мы пытаемся представить понимание научного труда как всеобщего общественного, т. е. осознание общественной природы человеческой познавательной деятельности...»; «Всеобщий труд — это... всеобщее человеческое познание...»; «Социальная природа познавательной деятельности выражается в понятии «всеобщий общественный труд», фиксирующем всеобщий общественный характер деятельности по про-

изводству знаний» [7, с. 9, 24, 26]. Эти утверждения свидетельствуют о том, что всеобщий труд выражает общественную природу научного труда и таким образом сводится лишь к нему.

На наш взгляд, ограничение всеобщего труда рамками духовного производства обедняет его содержание и, следовательно, не дает возможности в полной мере отразить человеко-творческий характер целостной деятельности в форме само-деятельности, а значит, суживает методологическое значение и смысл понятия всеобщего труда. Философско-мировоззренческий статус понятия следует рассматривать исходя из внутренней логики развития марксовой концепции человеческой деятельности, сущность которой афористически представлена в третьем тезисе К. Маркса о Л. Фейербахе: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [1, т. 42, с. 262]. В преодолении «самоизменения» сконцентрирована всеобщая определенность человеческой практики, но в реальной истории она предстает в разных исторических типах. В предыстории процесс «изменения обстоятельств» и «самоизменения» осуществлялся в двух расщепленных «формах существования», в двух самостоятельных направлениях человеческой деятельности, в двух сферах человеческого бытия» [4, с. 235—236]. В первой сфере изменения происходят за счет стандартизации самих производимых вещей, самой природы, за счет их абстрактного упрощения, а затем — устранения в потенции «личностного субъекта из сферы собственно материального производства» [Там же, с. 236]; «рабочий становится рядом с ним», и открывается не-которая возможность для него заняться «более возвышенной деятельностью» [7, т. 46, ч. 2, с. 213, 221]. Вторая сфера, по мнению В. С. Библера, направлена на развитие индивидуальности, ее самобытности, на развитие субъекта в сфере свободного времени. Между этими сферами находится духовное производство, ориентированное на производство вещей, на изменение обстоятельств, непосредственно на развитие материального производства.

С нашей точки зрения, духовное производство, осуществляясь посредством духовной деятельности индивидов, не существует в действительности в чистом виде. Будучи высшей формой человеческой деятельности, духовное производство, с одной стороны, направлено на определенное развитие деятельных способностей и сущностных сил человека, а с другой стороны, будучи пронизано идеологией господствующих классов, в преобладающей мере подчинено их коренным эгоистическим интересам. Духовное производство не только не устраняет разрыв, расщепленность двух самостоятельных сфер человеческой деятельности, но, наоборот, всячески тормозит их тяготение друг к другу, затрудняет их сопряжение и ведет к тому, что сфера бытия чело-

века, направленная на его «самоизменение», подчинена полностью производству вещей. Только в зрелом коммунистическом обществе, где будет преодолено общественное разделение труда, разрыв между двумя сферами бытия человека устраняется навсегда; здесь появится их взаимопроникновение, а духовное производство, растворяясь в обеих сферах бытия человека, будет лишь усиливать процесс «самоизменения», «самоосуществления индивида»; всестороннее гармоническое развитие человека непосредственно станет целью общественного производства, а всеобщий труд явится господствующим во всех видах человеческой деятельности.

Логически верным представляется предположение В. С. Библера о конкретизации диалектики «изменения обстоятельств» и «самоизменения» в противопоставлении труда совместного и труда всеобщего. На наш взгляд, оно способствует развитию понятия всеобщего труда и соответствует внутренней логике развития марксовской категории деятельности в ее целостном, живом, диалектическом и историческом содержании. Марксово противопоставление таково: «...Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [1, т. 25, ч. 1, с. 116]. У Маркса различие совместного и всеобщего труда идет по пути противопоставления типов кооперации. Если социальной формой совместного труда выступает непосредственно и обязательно кооперация, то всеобщему труду присуща и необходима форма самостоятельности. Если для совместного (или «совокупного», «комбинированного») труда необходимо общественное разделение труда, то для всеобщего труда эта предпосылка теряет свою необходимость. Если совместный труд, реализуемый в отчужденной форме, является господствующим в капиталистическом производстве, а всеобщий труд, развиваясь в его лоне (совместного труда), оказывается подчиненным ему и совместный труд в то же время все более обнаруживает здесь «свою зависимость от универсального труда, будучи по преимуществу сферой репродуктивного применения его результатов» [3, с. 389], то в зрелом коммунистическом обществе деятельность его членов будет осуществляться в форме самостоятельности, т. е. как универсальный, всеобщий труд. Самостоятельность, приобретая характер универсальной содержательности, становится всеобщей потребностью, осознанной свободной реализуемой необходимостью членов общества. Поэтому развитие двух сфер человеческого бытия, пронизанное освоенной, распределенной человечеством куль-

турой прошлого и настоящего, будет ориентировано на развитие «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу»; человек станет воспроизводить себя не в «какой-либо одной только определенности», а «во всей своей целостности, находясь в абсолютном движении становления» [1, т. 46, ч. 1, с. 476]. Только самодеятельная форма всеобщего труда, отражающая социальное единство человеческой деятельности и живое бытие человеческой общности, ее деятельную свободу и творчески устремленный характер, может реализовать функцию всестороннего, целостного, универсального развития сущностных сил и деятельных способностей человека.

Предпримем попытку определить диалектико-логическое основание категории всеобщего труда, исходя из диалектики единичного, особенного и всеобщего, ибо с помощью этих категорий и метода восхождения от абстрактного к конкретному можно осознать процесс самодвижения, развития всеобщего труда в его целостности и со стороны единичных форм его проявления.

Различают два вида всеобщего: 1) абстрактно-всеобщее (простое сходство явлений) и 2) конкретно-всеобщее (закон существования явлений единичных и особенных). Всеобщее есть вполне особенное явление как его тенденция, как принцип, воплощающий в себе все богатство частного. Подлинно всеобщее само существует в виде особенного. Особенное — есть такая в пространстве и времени реальность, которая своей сущностью имеет природу всеобщего.

В данном аспекте всеобщность присутствует как абстрактный момент совместного труда. В этом смысле всеобщность понимается как преодоление абстрактности, как наиболее полная реализация совместного труда в пределах всего общества. Именно такое понимание всеобщего труда соответствует логике К. Маркса, ибо всеобщий труд рассматривается им и как дополнение труда совместного, и как противопоставление ему. Двойственное значение понятия отражает социальную двойственность (место и роль) всеобщего творческого труда в условиях капитализма. Если в материальном производстве всеобщий труд реализуется только опосредованно как предел совместного труда, то в духовном производстве всеобщий труд существует необходимо и «участвует» непосредственно в развитии творческой личности [4, с. 240—244].

Всеобщий труд может существовать в качестве абстрактного момента в любом виде человеческой деятельности. Любая человеческая деятельность является абстрактной деятельностью, если она включает в себя момент всеобщего труда. Абстрактный труд потому абстрактен, что он есть абстрактный момент всеобщего труда. Абстрактный труд — труд вообще, всеобщий труд. Это значение абстракции выражает сходство всех видов

человеческой деятельности, в том числе и деятельности духовной. Основной признак, в котором едины все виды человеческой деятельности, состоит в том, что они имеют общественную природу и определенную затрату нервов и физических сил. Таково значение всеобщего труда как абстрактно-всеобщего.

А. Н. Кочергин и Е. В. Семенов полагают, что понятие абстрактного труда противоположно понятию всеобщего труда и что оба эти понятия едины, ибо выражают общественную природу труда в разных сферах общественно-исторической практики человечества, а именно: 1) абстрактный труд выражает общественную природу труда по производству материальных благ в условиях частной собственности; 2) всеобщий труд выражает общественную природу человеческой познавательной деятельности [7, с. 5, 10, 23, 26].

С этим нельзя согласиться. Во-первых, абстрактный труд есть понятие, выведенное К. Марксом не по отношению к производству в условиях частной собственности, а по отношению к товарному производству; все виды труда уравниены в условиях товарного производства, сведены к труду «бескачественному и однородному», а наиболее полно это осуществлено в развитом буржуазном обществе [8, с. 122—123]. Во-вторых, если исходить из выдвинутых авторами положений, то отсюда следует, что только в материальном производстве возможен абстрактный труд и только в научной деятельности (или шире — в духовном производстве) осуществляется всеобщий труд.

Духовное производство является продуктом и детищем общественного разделения труда, разделением на материальный и духовный труд. Целостность общественного производства можно познать путем раскрытия единства материального и духовного труда в самом процессе общественного труда. Моменты творчества могут наблюдаться как в духовном, так и в материальном производстве.

Здесь мы подошли ко второму значению всеобщего труда. Всеобщий труд выступает в предыстории в качестве особенного, а именно в духовной деятельности, где наиболее полно осуществляется непосредственное участие его в развитии и реализации творческих способностей индивида. Речь идет о том, что всеобщий труд в предыстории более всего тяготеет к совпадению с духовной деятельностью, которая «по своей видовой сущности имеет характер всеобщего труда» [6, с. 96]. Всеобщий труд как особенное в духовной деятельности осуществляет себя ограниченно, имеет пределы, пронизан вещной зависимостью в буржуазном обществе, скован рамками узких производственных отношений. Тем не менее именно в духовной деятельности он выступает как тенденция конкретно-всеобщего. В то же время всеобщий труд проявляет себя и в единичном, отдельном, т. е. в том или ином виде материальной деятельности. Однако и сама материальная деятельность индивидов напол-

няется с развитием общественно-исторической практики духом науки и искусства.

Осуществление всеобщего труда понимается К. Марксом как «самоосуществление индивида», «интенсивнейшее напряжение» его воли, чувств и разума»; это есть труд действительно свободный и привлекательный [1, т. 46, ч. 1, с. 110]. К. Маркс прямо указывает, что в «материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер (первое, указанное выше значение всеобщего труда. — В. Т.) и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [1, т. 46, ч. 2, с. 110]. Таким образом, материальная деятельность может приобрести характер всеобщего труда в самостоятельной форме, когда она становится свободной, общественной и научной.

Итак, на протяжении предистории человечества труд выступает лишь в качестве определенной тенденции к превращению во всеобщий творческий труд. Только в зрелом коммунистическом обществе всеобщий труд из тенденции (особенного) превратится в высшее конкретное, станет реализованной целостностью, ибо производство продукта органически будет совпадать с производством всеобщей творческой силы субъекта, а самостоятельная форма всеобщего труда станет господствующей во всех видах человеческой деятельности и потому «самоосуществление индивида», его целостное, всестороннее, универсальное развитие будет реализовываться в «абсолютном движении становления», т. е. не имея каких-либо пределов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ахизер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. — М.: Наука, 1974. — 250 с. 3. Батищев Г. С. Диалектика деятельности. — В кн.: Марксистская философия в XIX в. М.: Наука, 1979, 1, с. 197—208. 4. Библер В. С. Мышление и творчество. — М.: Политиздат, 1975. — 260 с. 5. Давыдов Ю. Н. Отчуждение и культура. Эволюция понятия отчуждения. — В кн.: Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980, с. 190—210. 6. Творческое производство. — М.: Наука, 1981. — 170 с. 7. Кочергин А. Н., Семенов Е. В., Семенова Н. Н. Наука как вид духовного производства. — Новосибирск: Наука, 1981. — 162 с. 8. Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма. — Х.: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. — 170 с. 9. Мамалуй А. А., Золотарева Ю. И. Единство культуры и свободного времени в свете марксовской категории всеобщего труда. — Вестн. Харьк. ун-та, 1981, № 208, с. 67—75. 10. Режабек Е. Я. Всеобщий труд в сфере науки. — В кн.: Социальная природа по-

Поступила в редколлегию 22.02.82.

Н. Т. СИНИЦЫН

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «УПРАВЛЕНИЕ»

В современных условиях, когда научно-технический прогресс уверенно вошел во все сферы человеческой деятельности, неуклонно возрастает роль управления протекающими процессами. Нельзя управлять, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, «без знания науки управления...» [1, т. 40, с. 222]. Это убедительно свидетельствует о необходимости и важности развития науки управления в условиях развитого социализма.

Для овладения наукой управления, для разработки и решения задач, связанных с ее дальнейшим функционированием, особое значение имеют ясные представления о зарождении, формировании и становлении, об исторических условиях действия науки управления, раскрытие генезиса и содержания самого понятия. В данной статье сделана попытка проследить основные этапы, исследовать характерные черты становления понятия управления.

Когда и почему появилось это понятие? Этот вопрос занимает многих исследователей. Например, В. А. Бокарев за основу этого понятия принимает объективную тенденцию к увеличению беспорядка вокруг человека. Наш мир—это мир нарастающей энтропии. Но этого мало. Первобытный человек в течение тысячелетий скорее способствовал, нежели противодействовал росту энтропии и не нуждался в понятии, описывающем особый вид деятельности по сохранению или улучшению организованности материальных систем. Анализ истории человеческой деятельности дает ответ на вопрос о том, почему именно в такую-то эпоху появились понятия, подобные рассматриваемому, и почему они первоначально возникли как антропоморфные, т. е. отнесенные только к поведению и деятельности человека.

Эта эпоха совпадает с расцветом древних цивилизаций. В определенном смысле управление возникло как искусство разрешать противоречия, порождаемые обращением ко все более эффективным средствам человеческой деятельности. В конечном счете управление формируется как средство разрешения противоречия между безграничной способностью человека своей прошлой деятельностью создавать все более сложные объекты и его актуальной способностью сохранять их и господствовать над ними, удерживать их в своем подчинении [7, с. 65—66].

Историю этого понятия можно подразделить на два основных периода — докибернетический и кибернетический. До появления кибернетики слово «управление» употреблялось применительно к таким сферам общественных отношений, как политика, хозяйственная и техническая деятельность, военное дело, а также в языкознании (синтаксис), математике. В сфере общественных отношений В. И. Кремянский, например, выделяет четыре основных функции этого термина: 1) оценка изменений, происходящих в среде и в самой управляющей системе, с точки зрения их соответствия данной частной задаче как определенного этапа в рамках процесса, направленного на достижение общей цели, а также оценка необходимых для этого ресурсов; 2) принятие решения в результате выбора одного из множества возможных; 3) формирование и передача вытекающих из него посланий, распоряжений исполнителям и вообще эффекторам; 4) прием данных об успешности выполняемых действий, а также сопоставление полученных результатов с прежними целями и задачами [10, с. 155—156].

Генетически исходным по отношению к понятию управления является понятие регулирования, которое первоначально разрабатывалось почти исключительно применительно к машинам. По вопросу о соотношении понятий регулирования и управления существуют следующие мнения. «Понятие регулирования,— пишет А. Д. Урсул, — входит в качестве необходимого признака в понятие управления. В отличие от регулирования управление связано не только с сохранением системы, ее разнообразия, но и с ее изменением. Регулирование характеризуется постоянством цели кибернетического процесса — сохранением системы. Управление, включающее в себя в сжатом виде регулирование, связано и с сохранением, и с изменением системы, которое «заложено» в программе управления [14, с. 196].

В литературе встречается также понятие «направленное регулирование», под которым понимается один из важнейших способов достижения многих частных целей, содействующих лучшему самосохранению биологической или социальной системы. Нередко этот термин употребляется как синоним «управления» (например, в часовом деле или в биологии), но такое его использование в ряде случаев вызывает путаницу в анализе содержания общих понятий.

Регулировать данный процесс деятельности системы — это не всегда то же самое, что осуществлять главную цель ее деятельности. Бесспорно, объем понятия регулирования, в особенности понимаемого как «упорядочение», действительно пересекается с объемом понятия управления в том, что отображает оптимизацию процесса или деятельности. Но «оптимальное регулирование» может быть одной из компонент «оптимального управления» или одной из частных целей, а термин «упорядо-

чение» хорошо выражает общий характер всего процесса управления.

Управление, пишет Т. В. Керимова, это регулирование, которое связано с функционированием специальных управляющих устройств, субъектов управления, оказывающих целенаправленное воздействие на управляемый объект как бы со стороны. Понимаемое таким образом управление противостоит регулированию. Регулирующее влияние осуществляется силами самого объекта, без вмешательства субъекта управления. Поэтому для обеспечения этого рода механизма управления следует использовать понятие «саморегулирование» или «самоорганизация» [9, с. 73—74]. Что касается области социального управления и регулирования, то, как отмечает П. Н. Лебедев, в исследовании явления управления общественными процессами нет еще единообразия в терминологическом обозначении различных регулирующих механизмов. В частности, сам П. Н. Лебедев называет механизмы сознательного управления регулированием, а стихийное управление — саморегулированием. «Область социальных процессов, — пишет он, — упорядочивается посредством как регулирования извне, так и саморегулированием» [11, с. 118].

В целом докибернетический период развития понятия управления характеризуется эмпирическим уровнем исследования явлений организации и управления. Первоначальная формулировка идей совершается на базе тех признаков, которые являются существенными непосредственно для какой-то конкретной группы явлений. Однако выявленные признаки чаще всего оказываются не существенными для более широкого класса систем. Так, проблема управления в живой природе ставилась в XIX и даже в начале XX в. в связи с теми процессами, которые обеспечивают нормальный процесс жизни, упорядочивают систему в соответствии с некоторой объективной закономерностью, организуют целенаправленные действия организмов и т. д. Постановка этих проблем имеет давнюю историко-философскую и естественнонаучную традицию, хотя сам термин «управление» применительно к таким процессам не использовался.

В развитии идей об управлении в докибернетический период можно выделить три относительно самостоятельные тенденции, в рамках которых эти идеи в дальнейшем уточнялись. Первая из них связана с учением о рефлекторной деятельности (И. М. Сеченов, И. П. Павлов). Вторая представлена историей развития теории автоматического управления. И, наконец, третья — это исследование организационного или административного управления, присущего социальным структурам. При этом в общем и целом «...при изучении процессов управления ограничивались чисто описательными констатациями, например, утверждением, что какие-то отдельные системы — будь-то любой живой организм либо сложный автомат — функциони-

руют по принципу обратных связей. Это путь эмпирический, отвечающий докибернетическому этапу развития представлений об управлении» [3, с. 98].

Из приведенного анализа докибернетического этапа развития понятия управления ясно видны источники всех основных трудностей современного статуса этого понятия в науке. Затянувшийся эмпирический этап развития понятия управления обусловил ту чрезвычайную пестроту определений этого понятия, которая и сегодня еще не преодолена. Узкие формулировки понятия управления часто оказывались мало или даже никак не связанными между собой. Отсюда неясность в отношении статуса этого понятия в науке: является ли оно специальным или вместе с тем общим для целого класса специальных областей знания, или, наконец, относится к классу методологических понятий и как таковое обладает определенной всеобщностью? Эта фундаментальная неясность в значительной мере сохраняется и сегодня. И одной из важнейших задач методологического исследования понятия управления является изучение этого вопроса с целью достижения определенного ответа.

Кибернетический этап развития понятия управления начинается с середины XX в. Этот этап существенно связан с иным способом включения этих идей управления в контекст теоретического описания сложных систем. При переходе к этому этапу признание того или иного явления в качестве объекта исследования с позиций идей организации и управления выступает по-особому, по мере того, как расширяется сфера объектов (классов, систем), внутри которой это явление определяется. В результате существенный признак (организация и управление) переносится с одного предмета на другие, раскрываются изучаемые связи внутри широкого класса явлений. Организационный и управленческий аспекты оказываются общими для более широкого круга явлений. Чем больший круг явлений материального мира может быть описан и объяснен с помощью данных идей, тем к более высокому уровню обобщений следует отнести эти идеи.

С точки зрения кибернетики, управление — это любое изменение состояния некоторого объекта, системы или процесса, ведущее к достижению поставленной или латентно заданной цели. Целями или задачами управления могут являться, например, поддержание некоторого желаемого состояния объекта (системы) при воздействии на него разного рода возмущений; поддержание заданной степени материального или духовного комфорта членов общества при решении задачи развития его экономики и культуры; определение такого режима работы промышленного предприятия, при котором достигается максимум выпускаемой им продукции (или минимум себестоимости этой

продукции) и т. д. Управление, очевидно, можно определять и как выбор одной из множества каких-либо альтернатив.

В самом общем случае под управлением в системах следует понимать способ организации и взаимного согласования свойств и характеристик системы, благодаря чему в системах может быть обеспечено выполнение конкретных аспектов управления, перечисленных выше. Здесь, по-видимому, достигнута максимальная общность в истолковании содержания понятия.

Иными словами, для кибернетического этапа развития понятия управления является характерным восхождение от разнообразных конкретных форм и признаков процесса управления к достаточно общему и абстрактному представлению о нем. В той мере, в какой эта цель оказывается достигнутой, кибернетика дает единое теоретическое описание процессов управления в машинах, живых организмах и обществе. Конечно, этот процесс далек от своего завершения. Для кибернетического этапа развития понятия управления является характерным полное осознание того или иного важного факта, что управление немыслимо без информации. В определенном смысле сущность управления как раз и состоит в переработке информации. В своей основополагающей работе «Кибернетика, или управление и связь в животных и машине» Н. Винер именно переработку информации объявляет сутью процессов управления. Подобную точку зрения высказывает также В. Г. Афанасьев: «...Управление немыслимо без информации, без постоянного осведомления управляющей подсистемы о внутреннем соотношении объекта и отражающей его среды, без активности и избирательности, фильтрации и оценки внешних и внутренних воздействий» [5, с. 31]. Философский смысл кибернетического этапа в развитии понятия состоит в том, что на этом этапе оказалось возможным распространить его на качественно различные системы (вне зависимости от конструкции и физической природы). Это позволяет выявить существенное функциональное единство разнородных систем и объектов. Поскольку теперь понятие оказывается способным отразить некоторые общие закономерности функционирования систем, постольку и в соответствующей мере оно становится объектом методологического и философского анализа.

На основе приведенного выше определения понятия управления можно выделить некоторые типы управления в системах и построить их логико-методологическую классификацию. В ее основе лежит определенный тип взаимодействия, благодаря которому можно реализовать прямые и обратные связи в системе, осуществляющие управленческие воздействия.

Наиболее простым типом управления является так называемое ригидное управление. Термин «ригидный» происходит от латинского *rigidus*, что означает «твердый», «жесткий», «окостенелый» и хорошо передает специфические черты этого пер-

вого и простейшего типа управления, в составе которого лежит жесткая однозначная причинная связь. Все механизмы и классические машины дают наглядную иллюстрацию такого типа управления в системах, однако было бы ошибочным его отождествление с одной лишь механической связью. Радиоволна, управляющая изображением на экране телевизора, в сущности осуществляет тот же самый тип управления, хотя через посредство классического предела вызываемых ею сложных электромагнитных процессов. Таким образом, отличительной чертой ригидного типа управления является жесткая детерминация и достаточно строгая однозначность следствий управляющих воздействий независимо от конкретной природы процессов, лежащих в их основе.

Хотя ригидный тип управления достаточно надежен, однако его достоинства превращаются в недостатки в системах высокой степени сложности. Этому типу явно недостает гибкости для оперативного и адекватного отражения существенно возрастающего объема информации.

Для высоко сложных систем, существование которых связано с быстро меняющимися условиями среды, более адекватным оказывается вероятностно-статистический тип управления, для которого характерным является наличие относительно широкого диапазона состояний системы и ее реакций-ответов на управляющие воздействия.

Вместе с тем и первый, и второй типы управления имеют общую основу — причинную связь в системах. Оба типа управления следует рассматривать как принадлежащие одному и тому же роду причинного управления.

Возникает вопрос: является ли причинность в жестко-однозначной (ригидной) или вероятностно-статистической форме единственной основой возможных типов управления? Большинство авторов отвечают утвердительно на этот вопрос. Более того, многие из них всячески подчеркивают причинную природу процессов управления. Так, В. А. Бокарев пишет: «Первым необходимым условием осуществимости управления является наличие причинно-следственной связи между элементами системы» [8, с. 46]. В самом деле, о каком управлении объектом В со стороны объекта А может идти речь, если никакие изменения А, включая его появление и уничтожение, не приводят к изменению В? Это условие настолько существенно, что ряд авторов предлагает определять кибернетику как «науку о причинных сетях» [8, с. 46]. Все это действительно так. Но допустима ли абсолютизация причинной основы процессов управления как единственно возможной? Допустимо ли ограничение наших представлений об управлении причинными схемами и сетями? Что может дать причинная парадигма управления для понимания процессов управления в человеческом коллективе, в обществе, в интеллекте? Любая попытка приложения при-

чинной парадигмы к управлению в человеческом коллективе, в интеллекте или в живом организме, очевидно, огрубляет или даже окарикатурирует действительные, весьма тонкие и непричинные отношения управления в этих системах. Известный специалист в области кибернетики Ст. Бир пишет в связи с этим: «Следует признать, что все наше представление об управлении наивно, примитивно, находится во власти почти фатального представления о причинности. Управление большинству людей (как это ни прискорбно для развитого общества) представляется процессом сугубо грубого принуждения» [6, с. 38].

Таким образом, проблема управления в конце концов упирается в глубокие мировоззренческие и методологические вопросы, и среди них важнейший — является ли причинность единственно возможной формой связи в системах? Этот вопрос и есть тот самый ключевой пункт, в котором методолог должен оказать помощь специалисту в области проблем управления. По столь важному мировоззренческому и методологическому вопросу целесообразно прежде всего «посоветоваться» с В. И. Лениным. В. И. Ленин никогда не считал правомерной абсолютизацию причинной формы связи в природе. Он прямо пишет: «Причина и следствие, ergo, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [1, т. 29, с. 143]. «Каузальность, обычно нами понимаемая, — замечает далее В. И. Ленин, — есть лишь малая частичка всемирной связи...» [Там же, с. 144]. На односторонность и неуниверсальность причинности указывает и такое его высказывание: «Всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью» [Там же, с. 143]. Из этих ленинских положений очевидно вытекает необходимость осознания относительности причинной формы связи явлений и разработки других (непричинных) аспектов «всесторонней и всеобъемлющей мировой связи».

Развитие исследований в области оснований квантовой физики привело к осознанию совершенно новой, не имеющей аналога в классической физике идеи о такой связи и единстве квантовых систем, которое никогда не может быть обеспечено, как остроумно замечает А. Д. Александров, каким-либо связыванием элементов «посредством веревок и сил» в одну систему, в *множественное целое*, но требует в описании квантовой целостности систем категорического и полного отказа от самих образов, элементов и их множеств, от самого столь глубоко укоренившегося представления о возможности исчерпывающего разложения физических систем на множества элементов [3]. Этот особый тип целостности систем исследовался академиками А. Д. Александровым, В. А. Фоком и другими авторами. Для выражения особого типа связи в системах, вытекающего из этого свойства целостности, были введены понятия «неси-

ловой связи» (А. Д. Александров) [4], или «логической связи» (В. А. Фок) [15]. В других работах эти понятия обобщаются в представлении об имплицативной связи в системах, обладающих физически неделимой целостностью [16; 17].

Под имплицативной связью в системах нужно понимать такую связь, которая, во-первых, является не физически-причинной (не силовой) и не связана с каким-либо переносом энергетического воздействия от одной подсистемы к другой, во-вторых, эта связь вытекает из особого специфического свойства немеханической целостности системы, например целостности состояния сознания социальных систем или живых организмов. В-третьих, отличительной особенностью имплицативных связей и зависимостей является их безусловная однозначность и строго необходимый характер, превосходящий любой тип причинной детерминации. Например, на причинных сетях существующих электронно-вычислительных машин операция $2 \times 2 = 4$ никогда не моделируется с абсолютной достоверностью ($P=1$), поскольку всегда существует хотя бы ничтожно малая вероятность выхода из строя причинных механизмов машин, реализующих эту операцию и удерживающих ее результат. В реальном же мыслительном процессе этот результат возникает как логически неизбежный, абсолютно достоверный, предопределенный содержанием принятых аксиом, и порождается соответствующей системой мыслительных импликаций, дедуцирующих его из аксиом.

Этот же способ имплицативной связи является характерным и для других областей сознания, и в них мы находим другие конкретные формы его проявления. Так, значение понятий цели или долга в нравственной сфере не причиняют, но влекут за собой вполне определенные действия. Причем, как свидетельствуют исторические факты мученичества и подвижничества (в особенности героические деяния революционеров, поднявшихся до осознания исторической необходимости как своей личной цели), с потрясающей и поистине ничем не преодолимой силой. Человек, полностью отдавший своей нравственной цели и долгу, скорее расстанется с жизнью, чем откажется от действий, имплицитно вытекающих из содержания его цели и долга, а значит, неразрывно связанных с его сознанием и самим его существованием.

Является ли эта весьма общая классификация типов управления исчерпывающей? Мы оставляем этот вопрос открытым. Даже если это так, то совершенно очевидно, что второй тип управления (на основе имплицативных связей и зависимостей) нуждается в дальнейшем изучении и классификации присущих ему подтипов или видов.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Абдильдин Ж. М. Проблемы начала в теоретическом познании.—Алма-Ата: Наука, 1967.—366 с. 3. Абрамова Н. Т. Целостность и управление.—М.: Наука, 1974.—170 с.

4. Александров А. Д. Связь и причинность в квантовой области.—В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973, с. 47—69.
5. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом.—М.: Политиздат, 1976.—245 с.
6. Бир Ст. Кибернетика и управление производством.—М.: Наука, 1965.—185 с.
7. Бокарев В. А. Человеческая деятельность и диалектика развития понятия «управление».—В кн.: Кибернетика и диалектика. М. 1978, с. 69—84.
8. Бокарев В. А. Объем и содержание понятия «управление».—Вопр. философии, 1966, № 11, с. 16—18.
9. Керимова Т. В. Социальный прогресс и управление.—М.: Наука, 1980.—196 с.
10. Кремьянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации.—М.: Наука, 1977.—170 с.
11. Лебедев П. Н. Очерки теории социального управления.—М.: Мысль, 1965.—140 с.
12. Попов Г. Х. Проблемы теории управления.—М.: Политиздат, 1974.—160 с.
13. Словарь по кибернетике.—К.: Наук. думка, 1979.—605 с.
14. Урсул А. Д. Информация. Методологические аспекты.—М.: Наука, 1971.—180 с.
15. Фок В. А. Примечание к статье Н. Бора «Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике».—В кн.: Успехи физических наук, 1958, 66, вып. 4, с. 492—506.
16. Цехмистро И. З. Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого.—М.: Мысль, 1972.—220 с.
17. Цехмистро И. З. Методологическая роль диалектики множественного и единого в современном естествознании: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук.—К., 1977.—28 с.

Поступила в редколлегию 22.02.82.

И. В. КАРПЕНКО

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ НАУКИ КАК ИСТОЧНИКА ДИАЛЕКТИКИ

Изучение истории науки является одним из важнейших средств раскрытия закономерностей человеческого познания вообще. Эту мысль неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Он писал, что история отдельных наук вместе с обобщением данных зоопсихологии, физиологии органов чувств, языкознания составляет «те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [2, т. 29, с. 314]. В данном случае история науки должна выступать не в своей эмпирической форме, не в виде сводки исторических фактов и описания отдельных открытий, а в логическом обобщенном виде, или, как говорил В. И. Ленин, диалектически обработанной.

В результате такой обработки истории науки категории диалектики выступают как ступени, последовательно проходимые познанием при изучении любых объектов. В связи с этим В. И. Ленин отмечал, что нужна история мысли, проанализированная с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики. Подчеркивая важность этой задачи, В. И. Ленин называет ее осуществление продолжением дела Гегеля и Маркса [2, т. 29, с. 131].

Разработка теории материалистической диалектики — это не только внутреннее дело марксистско-ленинской философской

науки, но и необходимое условие выполнения ею мировоззренческой и методологической функций на современном этапе научного познания и социальной жизни. Как справедливо отмечает М. Л. Злотина, «...решенные философские проблемы в определенном смысле продолжают оставаться проблемами как в силу внутренней противоречивости философского знания, так и в силу появления новых аспектов этих проблем в процессе применения общих принципов философского знания к конкретным областям исследования» [4, с. 4].

Диалектическая обработка истории науки, анализ ее как одного из источников формирования и развития теории диалектики относится к числу нерешенных проблем. Поэтому представляется важным выяснение методологических аспектов взаимосвязи развития науки и теории диалектики, так как успех в решении сформулированной выше задачи во многом зависит от правильного выбора исходных методологических принципов.

Обобщение истории науки — необходимое, но недостаточное основание для развития теории материалистической диалектики. Наряду с отмеченным существует целый ряд других источников. Философия, являясь одной из сторон духовной жизни общества, отражает реальную жизнедеятельность людей в большинстве форм ее проявлений. Причем характер этого отражения детерминируется тем местом, которое философия занимает в общей структуре духовной жизни общества. Оно будет совершенно иным, чем в правосознании или этическом сознании, и степень опосредования отражения будет наибольшей, так как философское сознание находится на самой вершине «пирамиды» духовной жизни общества. Философия, как писал К. Маркс, составляет квинтэссенцию духовной жизни. Между философией и общественным бытием как последней основой формирования философских построений лежит весь спектр форм общественного сознания — политическая идеология, правосознание, моральное, религиозное, эстетическое, научное сознание. Взятые в единстве, эти формы выступают той основой, на которую опирается философское сознание и через которую в него проникает осваиваемая человеком природная и творимая им общественная реальность.

Наряду с отмеченной спецификой философии в отражении мира следует назвать и другую. Как форма общественного сознания она имеет относительную самостоятельность в своем развитии, что проявляется в сохранении специфических философских проблем, несмотря на самые радикальные преобразования картины мира, и в определенной преемственности развития философских систем. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» выдвинули в качестве одного из принципов своей философии обогащение научного мировоззрения всеми непреодолимыми достижениями истории материализма и диалектики.

Однако это обогащение предполагало вместе с тем критическое отношение к учениям прошлого, преодоление их недостатков и преобразование, развитие присущих им догадок в теоретические положения. Ф. Энгельс писал: «Современный материализм представляет собой не простое восстановление старого материализма, так как к непреходящим основам последнего он присоединяет еще идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории» [1, т. 20, с. 142].

Таким образом, при исследовании источников формирования и развития теории диалектики необходимо четко определить место данного источника в системе других оснований.

Особую значимость приобретает это положение, когда анализируется один из источников теории диалектики, например история науки. При этом необходимо учитывать тот факт, что наука как форма общественного сознания также формируется и развивается в тесной связи и взаимодействии с другими формами общественного сознания в их практической социальной обусловленности. На социокультурную обусловленность науки обращал внимание, в частности, В. И. Вернадский. Он писал: «Научное мировоззрение развивается в тесной связи и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только в воображении» [3, с. 50].

Так, созерцательный характер древнегреческой науки в значительной степени объясняется пренебрежительным отношением в античном обществе к любому виду физического труда, которое было порождено господствующей в то время рабовладельческой идеологией. Физический труд рассматривался в Древней Греции как занятие, достойное лишь рабов и унижающее свободного человека. Отсутствие у большинства древнегреческих ученых интереса к вопросам приложения науки, а также к использованию в ней эксперимента было неизбежным следствием такой идеологии. Можно привести ряд примеров, показывающих влияние философии на развитие науки. Это свидетельствует о том, что анализ науки в широком социокультурном контексте позволяет выяснить все особенности ее развития, чего не может дать чисто логический, внутренний подход к развитию научного знания.

Такого анализа истории науки требует и теория диалектики, когда рассматривает историю науки в качестве одного из своих источников. Ибо в глубинных теоретических основаниях философский подход к познанию, как оно представлено в истории науки, заключается в том, что познание и его свойства

рассматриваются не, так сказать, изнутри, а как элемент человеческой жизнедеятельности в целом. Именно при таком подходе проблематика анализа познания выступает как собственно философская, а не специально-научная рефлексия над познанием. И эта философская рефлексия над познанием представляет собой органический момент философско-мировоззренческого анализа, потому что только при таком подходе к познанию оно рассматривается с точки зрения коренных проблем отношения бытия и мышления, решения основного вопроса философии.

Определяя диалектику как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, Ф. Энгельс отмечал: «История природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления» [1, т. 20, с. 384]. Необходимо подчеркнуть существенный момент в этом высказывании Ф. Энгельса: не история природы и история человеческого общества, а **история природы и человеческого общества**. Здесь Ф. Энгельс не противопоставляет и даже не разделяет природу и общество, а рассматривает их в единстве. Это замечание очень важно. История природы (естествознание) и история общества (обществознание) — это две стороны единой науки, взаимно дополняющие друг друга. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны: до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [1, т. 3, с. 16].

История природы и общества, в их единстве и взаимодействии отражающаяся в истории науки, выступает объектом философского исследования при анализе науки как одного из источников теории диалектики.

Не отрицая возможности (и необходимости) исследования диалектики природных процессов, находящихся свое отражение в философских вопросах естествознания, диалектики социальных процессов, выражающихся в философско-методологических проблемах общественных наук, необходимо заметить, что разработка теории материалистической диалектики требует комплексного рассмотрения науки, то есть обществознания в единстве с естествознанием. Это тем более важно, что еще «...не вполне преодолена ставшая уже традиционной тенденция, в русле которой изложение диалектики ориентировано преимущественно на осмысление естествознания» [6, с. 159].

Существовавшее ранее разделение природы и общества в философских исследованиях объясняется тем, что существенное единство природы и общества не было открыто. Его ввели

в философию только К. Маркс и Ф. Энгельс. Оказалось, что проявлением такого единства является производственная, вообще практическая и вырастающая на ее основе теоретическая деятельность. В этой связи технология выступает как опосредование отношения человека (общества) и природы, как показатель меры познания природы и ее практического преобразования. Но технология не есть исключительно продукт знания природы, взятый помимо законов общественного производства и социальных отношений. Н. Ф. Тарасенко отмечает: «Она (технология) выражает материально-предметную, творчески преобразованную связь целеполагающей деятельности человека и вещества природы в формах общественной практики» [5, с. 97]. Философские категории являются отражением всеобщих отношений объективной действительности такими, какими они даны человеку в формах его практики. Когда речь идет о практической природе категорий, то практику надо брать во всей ее полноте. В таком случае под практикой понимаются не отдельные процессы, какими бы значительными они ни были, а совокупная деятельность всех людей, взятая в ее истории и исторической перспективе. Практика выступает как созидание людьми своей истории, конечным продуктом которой являются они сами.

Практика выступает и как способ преобразования человеческого обществом природы, и как революционно преобразующая деятельность людей по изменению самой социальной среды. Следовательно, философские категории отражают формы и природного, и социального бытия.

Естественные науки вскрывают всеобщее в формах бытия природы, трансформируют его через деятельность в сознание человека. При этом объем всеобщности природной действительности, отражаемой в категориальных структурах мышления, задается уровнем всеобщности практики, универсальностью отношений, в которые вступают люди. Характером общественного взаимодействия людей определяются и механизмы «вписывания» общих форм бытия природы в общественное движение, а тем самым и способы их отражения в сознании. Технологическое отношение к природе в решающей степени определяет категориальный строй мышления, формирует категории как универсальные формы мышления. Эти формы характеризуются относительной устойчивостью и могут наполняться разным понятийным содержанием. Общественные науки исследуют те общественные формы, в которых осуществляется взаимодействие человека с природой, исследуются социальные отношения, а именно последние обуславливают в конечном счете содержание категорий, их развитие. Поэтому в отмеченном выше единстве естествознания и обществознания ведущая роль принадлежит последнему при определении их влияния на формирование и развитие категорий диалектики.

Сказанное выше позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, история науки как источник формирования и развития теории диалектики выступает наряду с другими источниками теории диалектики и является условием необходимым, но не достаточным. Во-вторых, наука как форма общественного сознания испытывает воздействие ряда других форм общественного сознания, поэтому при ее анализе необходимо учитывать широкий социокультурный контекст ее развития и не ограничиваться лишь исследованием внутренней логики ее развития. В-третьих, науку как источник теории диалектики необходимо рассматривать комплексно, то есть естествознание в единстве с обществознанием, выделяя при этом их различие и как следствие такого различия формы и способы воздействия науки на теорию диалектики.

Узловой точкой «встречи» диалектики природы и диалектики общественного развития является практическая деятельность людей. Рассматривая ее как основу формирования философских категорий, необходимо исследовать практику как деятельность, преобразующую природный и социальный мир, а потому требующей взаимодействия общественных и естественных наук.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. — М.: Наука, 1981. — 380 с. 4. Злотина М. Л. Развитие как мировоззренческая проблема. — К.: Наук. думка, 1974. — 170 с. 5. Тарасенко Н. Ф. Социально-мировоззренческий анализ технологии как способа практического отношения человека к миру. — В кн.: Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. К., 1981, с. 49—56. 6. Шинкарук В. И., Табачковский В. Г. Рецензия на книгу «Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории». — Вopr. философии, 1981, № 12, с. 44—47.

Поступила в редколлегию 25.02.82.

В. В. ШКОДА

СТОИМОСТЬ, ЭНЕРГИЯ, СМЫСЛ (О ПРАКТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПОНЯТИЯ)

В основе различных определений понятия лежит мысль о процессе обобщения. Акт образования понятия — это шаг от чувственного к логическому. При этом процедуры сравнения, анализа и синтеза, абстрагирования представляются сложным комплексом средств и условий достижения обобщения как конечного результата. Они необходимы для подготовки и осуществления перехода от единичного к общему, для отбрасывания специфических и выделения общих признаков, конституирующих класс (объем понятия).

В этом процессе имплицитно присутствует операция отождествления. Например, мы чувственно воспринимаем арбуз, фут-

больный мяч, глобус и приходим к определенному понятию — «шар». Шарообразность и есть то, относительно чего названные предметы одинаковы. Оно же и есть то общее, присущее этим вещам «по природе», которое субъект восприятия в процессе созерцания схватывает разумом (отражает в понятии) и выражает в языке.

При такой трактовке остается невыясненной практическая природа образования понятия. И хотя утверждается, что чувственное восприятие детерминировано предметной деятельностью, однако примат чувственного как исходного остается неизбежным. Между тем история научного познания располагает такими примерами, когда отождествление явлений не основано на исключительно чувственном восприятии, а выступает как факт предметной деятельности. Речь идет о том, что отождествление — не акт созерцания, не результат сравнения чувственных образов, а характеристика определенных действий с предметами и явлениями. Цель настоящей статьи — проанализировать некоторые из таких ситуаций в различных областях научного познания.

Анализ логико-гносеологических оснований формирования понятий «стоимость», «энергия», «смысл» представляет интерес и с историко-научной точки зрения, ибо эти понятия были строго эксплицированы почти одновременно.

К. Маркс в своем «Капитале» при экспликации понятия «стоимость» исходит из анализа товара. Однако сразу обнаруживается, что этот анализ в качестве условия предполагает интуитивное понимание процесса обмена товара. Без учета этого не может быть введено понятие меновой стоимости даже на уровне экспликанды. Таким образом, процесс прямого обмена одного товара на другой есть исходный эмпирический феномен — предмет того анализа, в конце которого должна появиться марксова категория «стоимость».

Обмен — это практическое отождествление товаров, а рынок — сфера, где реально устанавливается и существует то отношение между товарами, которое теоретик называет «отношением тождества». Процедура обмена товаропроизводителем овладевает практически. Но умение торговать само по себе еще не означает, что человек владеет «тождеством» теоретически, что он способен понять практическое отождествление как условие образования понятия «стоимость». Намеком на такое понимание будет использование им понятия «тождество» по крайней мере как средство описания опыта. На этом уровне, говорит К. Маркс, понятием тождества при описании обмена владел уже Аристотель.

Аристотель фиксирует средствами определенного языка эмпирически наблюдаемый общественный акт. Он обнаруживает, что обмен товарами необходимо описывать как процедуру отождествления физически различных предметов. Далее Аристотель

пытается использовать наблюдаемый факт отождествления. Ход его рассуждений таков. Раз отождествляются две различные вещи, значит, должно существовать что-то третье, общее им обоим. Но что такое это «общее»? Отыскать его необходимо, поскольку именно оно служит основанием отождествления. Оно скрыто от непосредственного наблюдения, и пока оно не найдено аналитически, применение понятия «тождество» для описания обмена теоретически несостоятельно и потому лишено смысла. Однако поиски Аристотеля остались безуспешными. Ему приходится согласиться с этой теоретической несостоятельностью, признать отождествление товаров в процессе обмена «чуждым истинной природе вещей», и потому лишь искусственным приемом для удовлетворения практической потребности.

К. Маркс показывает, почему это произошло, почему великий аналитик оказался беспомощен. Для того чтобы обнаружить «третье», Аристотелю недоставало не логических средств, а определенных социальных условий. «Тайна выражения стоимости, — замечает К. Маркс, — может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка» [1, т. 23, с. 69].

Общее в различных товарах обнаружили представители классической буржуазной политэкономии. Они зафиксировали ставший уже достаточно зримым в условиях буржуазного общества принцип — основанием отождествления товаров в обмене является представленное в них количество труда. Таким образом, стало возможным теоретическое понятие стоимости. Этот пункт надо подчеркнуть. Только в том учении, которое К. Маркс называет классической политической экономией, стоимость начинает обретать статус научного понятия.

Но почему «начинает обретать», а не «обрело»? Дело в том, что классическая политэкономия не пользовалась анализом процедуры отождествления как методом, т. е. вполне сознательно. Она, следовательно, не рассматривала практическое отношение тождества как эвристическую познавательную структуру, она лишь фиксировала его как эмпирический факт. Поэтому в классической политэкономии понятие «стоимость» остается в значительной степени интуитивным.

Это становится достаточно очевидным при сопоставлении изложения оснований политэкономии Д. Рикардо и К. Марксом. Д. Рикардо начинает с разграничения потребительной и меновой стоимости. Он фиксирует это различие как данное, как до него полученный и исследованный результат. Далее Д. Рикардо занимается исключительно поиском устойчивого количественного мерила меновой стоимости. Основная его забота — проблема измерения стоимости. Поэтому «стоимость вообще» выпадает из поля зрения. К. Маркс, на первый взгляд, учитывает этот подход, ставший традиционным. Он тоже начинает с различения двух видов стоимости. Но для К. Маркса, в отличие от Д. Рикардо,

это различие имеет характер общей исходной констатации. К. Маркс этим различием лишь предваряет собственно теоретический анализ. Главная его задача — **вывести** стоимость вообще и представить рикардовскую стоимость как форму проявления стоимости. Так К. Маркс приходит к понятию «абстрактный труд». Это — конечный результат. Исходный пункт — анализ отношения тождества, а точнее, анализ практической процедуры отождествления — обмена товаров. Об этом прямо заявляется в Послесловии к второму изданию «Капитала». «В разделе I первой главы, — пишет К. Маркс, — с большой научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость» [1, т. 23, с. 12]. И в тексте «Капитала»: «Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости» [Там же, с. 56].

Недостаточность теоретического исследования всех представителей трудовой концепции стоимости заключается в том, что они пользовались количественным определением различных видов труда. Однако чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно, их сведение к абстрактному человеческому труду [Там же, с. 90]. Понятие «абстрактный труд» — результат теоретического анализа процедуры практического отождествления товаров.

К новому, строго научному пониманию стоимости К. Маркс пришел в конце 50-х годов XIX в. А в 40-х годах немецкий врач Р. Майер разрабатывает свою теорию «физической силы», опираясь на метод, удивительно сходный с марксовым методом выведения стоимости из анализа уравнений, фиксирующих практическое отождествление.

Идеи Р. Майера не были известны К. Марксу. Это не удивительно. Работы, в которых формулировался фундаментальный закон природы, долгое время оставались почти неизвестными и физикам. Но тем поразительнее представляется почти текстуальное совпадение высказываний К. Маркса о стоимости и Р. Майера об энергии («силе»). К. Маркс: «В обращении Д-Т-Д и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости... Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом своем движении... Стоимость выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» [1, т. 23, с. 164—165]. Р. Майер: «Движение, теплота и... электричество представляют собой явления, которые могут быть сведены к одной силе, которые измеряются друг другом и переходят друг в друга по определенным законам» [3, с. 68—69]. «Существующее между силами взаимоотношение я характеризовал тем, что я их

назвал «различными формами проявления одного и того же объекта» [3, с. 268].

Центральным понятием теории Р. Майера является понятие «сила». Вводится оно на основе аксиомы *causa aequat effectum*, записываемой в форме равенства $c=e$ (причина c равна действию e). Далее Р. Майер рассуждает так. Действие e может быть причиной некоторого другого действия f и т. д. Получается цепь — $c=e=f=...$ Любая причина в этой цепи, вызывая соответствующее ей действие, перестает существовать. Причина превращается в действие. Этот феномен превращения, считает Р. Майер, «вытекает из природы уравнения». Ни один член уравнения не может сделаться нулем, он превращается в другой член, становится другим членом. Так как, следовательно, c переходит в e , а e в f и т. д., то мы, продолжает Р. Майер, должны рассматривать эти величины как различные формы проявления одного и того же объекта [3, с. 76].

Заметим, что особый смысл открытию Р. Майера придает положение о взаимопревращении разнообразных сил. Дело в том, что в механике со времен Лейбница был известен закон сохранения (принцип сохранения живых сил). Но это, однако, не служило основанием выводить инвариант и искать соответствующий ему элемент физической реальности. Отсутствовало понятие «превращение». Совсем другое дело — выйти за пределы механики и обнаружить преобразование одних в другие качественно различных, как будто никак не связанных явлений. Именно факт взаимопревращения разнообразных сил обуславливает поиск сохраняющейся при этом основы. По мысли Р. Майера, эта основа и есть «сила вообще», «одна единственная сила», или энергия, хотя этого термина Р. Майер не вводил. «Эта сила, — пишет Р. Майер, — в вечной смене циркулирует как в мертвой, так и в живой природе. Нигде нельзя найти ни одного процесса, где не было бы изменения силы со стороны ее формы» [3, с. 94]. Таким образом, с логической точки зрения, энергия есть то же, что и стоимость. И поиск инварианта на множестве взаимопревращающихся сил это — поиск того «третьего», что является общим для различных товаров. В природной стихии Р. Майер увидел то, что теоретики политэкономии уже давно видели в стихии рынка.

Может показаться, что теория Р. Майера появляется как аналитический результат, как следствие размышлений над древним принципом «причина равна действию». В своих работах Р. Майер именно так и пытается представить дело, следуя нормам классической науки. Ясно, однако, что это открытие обусловлено характером общественной практики. Прежде чем оно стало феноменом теории, в практику должен был внедриться и стать, выражаясь словами К. Маркса, «народным предрассудком» принцип превращения одних форм движения в другие. Так же, как до появления развитых форм обмена не-

возможно было прийти к понятию «стоимость», так нельзя было прийти к понятию «энергия» до появления тепловых машин, вызвавших повышенный интерес к взаимосвязи механических и тепловых явлений.

Как уже отмечалось, К. Маркс не знал работ Р. Майера. В 1864 г. он ознакомился со сборником статей англичанина У. Грова «Соотношение физических сил». Независимо от Р. Майера, но несколько позже его, У. Гров пришел к тем же результатам. К. Маркс живо реагировал на книгу У. Грова. Идея метаморфозы сил в физическом мире была ему близка. В то время он работал над «Капиталом». Товарный метаморфоз находил удивительно яркую аналогию в природных явлениях. В августе 1864 г. К. Маркс сообщает в письме к Л. Филипу: «Недавно мне в руки попала весьма значительная в естественнонаучном отношении книга — *«Соотношение физических сил»* Грова. Он доказывает, что сила механического движения, теплота, свет, электричество, магнетизм и химическое сродство являются, собственно, лишь видоизменениями одной и той же силы, взаимно друг друга порождают, заменяют, переходят одно в другое и т. д.» [1, т. 30, с. 533]. И через две недели в письме к Ф. Энгельсу: «Мне попала в руки книга Грова *«Соотношение физических сил»*. Это, безусловно, наиболее склонный к философии натуралист среди английских (а также и немецких!) естествоиспытателей» [Там же, с. 346].

Понятие «смысл» в современной лингвистике вводится на основе представления о равнозначных текстах. При этом подчеркивается, что понятие равнозначности с формальной точки зрения является неопределяемым, оно принимается как интуитивно очевидное. Тогда переход от одного из равнозначных текстов к другому называют «синонимическим преобразованием», а смысл определяют как «инвариант всех синонимических преобразований, т. е. то общее, что имеется в равнозначных текстах» [4, с. 10].

Имея уже представление о процессе образования понятий «стоимость» и «энергия», нетрудно увидеть, что реальной предпосылкой, лежащей в основе понятия «смысл», является операциональная процедура — отождествления текстов в языковой практике. Ситуация здесь не просто аналогичная той, что возникает при обмене товаров или при взаимопревращении форм движения в физическом опыте. В логическом отношении это одна и та же ситуация.

Рассмотрим, как вводилось понятие «смысл» в историко-научном плане. Определение знака через бинарную структуру (знак — денотат) является предельно общим. Обычное при таком определении подчеркивание конвенционального характера знакового отношения есть намек на информационную нейтральность знака по отношению к денотату. Другими словами, при таком определении знак обозначает, но не сообщает. Этот факт

ярко иллюстрируется замечанием К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [1, т. 23, с. 110].

Между тем уже стойки понимали, что такое определение знака недостаточно. Знак не только обозначает, но и передает мысль. Стало быть, более полным определением будет такое, в котором используется тернарная структура (знак—мысль—денотат). Однако эта глубокая идея античных логиков долгое время не получала развития. В логике Нового времени к этому вопросу вернулся Дж. Милль. При классификации имен Дж. Милль вводит важное различие — **соозначающие** имена и **несоозначающие**. Слово «соозначать» происходит от латинского «*connotare*» (*con* — вместе с + *notare* — обозначать) и имеет смысл — «обозначать одну вещь вместе с другой». Таким образом, отношение соозначения имеет место между тремя сущностями, а не между двумя, как в случае отношения обозначения. Соозначающими, по определению Дж. Милля, являются такие имена, которые кроме того, что они называют предметы, содержат о них какие-то сведения. Эти «сведения» и есть третья сущность, придающая знаковому выражению статус соозначающего имени.

Принципиально новый подход к рассмотрению этого вопроса предложил Г. Фреге. Мы имеем в виду строгую экспликацию понятия соозначения на основе анализа отношения тождества. Это важно подчеркнуть. Понимание соозначения эволюционировало до Г. Фреге с опорой на описательность и интуитивную ясность, т. е. почти так же, как понимание стоимости в политэкономии до К. Маркса. Оно не выводилось с логической необходимостью из самих условий определенной познавательной ситуации.

Исходный пункт анализа Г. Фреге — не классификация имен, не их различие. Этот пункт — отношение тождества. «С понятием тождества связан ряд вопросов, ответить на которые совсем не просто», — так начинается классическая работа Г. Фреге [5, с. 181]. Пусть мы имеем отношение тождества, выраженное формой $A=B$. Что это значит? Что здесь, собственно, отождествляется? Мы выражаем процедуру отождествления в такой форме сплошь и рядом. Мы владеем ею. Но понимаем ли мы то, что делаем? Вот в чем вопрос.

В результате исследования Г. Фреге приходит к такому выводу: во-первых, отношение тождества в форме $A=B$ присуще знакам, а не стоящим за знаками вещам, во-вторых, «различия между знаками отражают различия в способах представления обозначаемого» [5, с. 182]. Таким образом, понятийная структура «знак—денотат» дополняется новым элементом. Это — «способ представления знаком денотата», или «смысл». «Знак, — пишет Г. Фреге, — может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать *денотатом*

знака (Bedeutung), но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать *смыслом* знака (Sinn); смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [5, с. 182—183].

Итак, понятие «смысл» — экспликат понятия «соозначение» — оказывается совершенно необходимо ввести, чтобы объяснить природу выражений, содержащих тождество. В выражении $A=B$ отождествляются смыслы — два разных способа представления одного и того же денотата.

Представим полученные результаты в виде таблицы.

Ситуация предметно-практического отождествления	Отношение представления	Инвариант
Обмен товарами	Товар ₁ — вид труда ₁ Товар ₂ — вид труда ₂	Абстрактный труд
Взаимопревращение форм движения в физическом опыте	Физическое явление ₁ — сила ₁ Физическое явление ₂ — сила ₂	Энергия
Взаимозамещение текстов в семиотическом опыте	Текст ₁ — смысл ₁ Текст ₂ — смысл ₂	Денотат

Обращает на себя внимание несоответствие между тем, как вводится понятие «смысл» в работе Г. Фреге и как определяется это понятие в лингвистике. Это несоответствие не следует понимать так, что имеется два различных понятия смысла. Речь идет о двух типах ситуаций, лежащих в основе определения одного и того же понятия. Действительно, на вопрос, почему отождествляются два данных текста, в лингвистике отвечают: потому что мы имеем дело с двумя представлениями одного и того же смысла, потому что эти тексты содержат одну и ту же информацию. Здесь предполагается, что при отождествлении текстов мы не обращаемся ни к каким внезнаковым явлениям, ни к каким эмпирическим процедурам. Равнозначность текстов схватывается исключительно на основе **понимания языка**. Стало быть, этому случаю соответствует форма $A=A$.

Г. Фреге анализирует форму $A=B$. Эта форма соответствует ситуации, когда понимания языка недостаточно для решения вопроса о тождестве. Например, выражения «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» не могут быть отождествлены вне соответствующего (астрономического) исследования. Г. Фреге имеет дело, следовательно, не с семантической ситуацией, а с эмпирической. При отождествлении $A=A$ (аналитическое суждение) никакого познания не происходит. Напротив, отождествление

$A=B$ (синтетическое суждение) предполагает эмпирическую процедуру, расширяющую имеющееся знание. Поэтому-то в данном случае и идет речь об отождествлении разных смыслов, что и отображено в таблице.

Мы попытались показать, что процесс отождествления как необходимое условие образования понятий, как операция интеллектуальная, имеет реальную предпосылку, что «абстрагирующая голова» не природный дар, а продукт определенного типа предметной деятельности. Конечно, не везде эта идея просматривалась достаточно отчетливо. К примеру, отождествление текстов трудно понять как то же самое, что и обмен товарами. Однако в рассматриваемом отношении это действительно одно и то же. Материальность текстов задает их различие, а отождествление достигается в конечном итоге инвариантностью практических действий на их основе. Поэтому отождествление текстов есть именно отождествление материальных структур. Однако рассмотренным конкретно-научным материалом не ограничивается сфера действия практического отождествления как реальной предпосылки формирования научных понятий.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Бирюков Б. В. Теория смысла Готлоба Фреге. — В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960, с. 64—89. 3. Майер Р. Закон сохранения и превращения энергии. — М.; Л., 1933. — 178 с. 4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». — М., 1974. — 170 с. 5. Фреге Г. Смысл и денотат. — В кн.: Семантика и информатика, 1977, вып. 8, с. 45—54.

Поступила в редколлегию 30.03.82.

Т. С. ВОРОПАИ

ПОНИМАНИЕ И СМЫСЛ (СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

В последние годы наметился серьезный интерес к проблеме понимания. Появляется все больше работ, в которых понимание исследуется не как психологический процесс и не в связи с задачами педагогики, что характерно для традиционного подхода к этой проблеме, а как логико-гносеологическая процедура. В работах советских авторов ведется критика субъективно-идеалистических трактовок понимания в рамках буржуазной философской герменевтики от В. Дильтея до П. Рикера и принимаются попытки разработать в положительном плане диалектико-материалистическую концепцию понимания [4; 5; 9; 10; 13; 15; 16].

Актуальность этой проблемы обусловлена рядом причин. Во-первых, возросла роль массовых коммуникаций и усложни-